

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР. Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

№ 49 (756)

5 сентября 1938 г., понедельник

Цена 30 коп.

О ПРИЕМЕ В СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

Несколько лет назад некий автор (недавно исключенный из союза писателей) получил такое удостоверение: «Предъявитель сего является талантливым писателем. Просьба к организациям и лицам оказывать ему всемерное содействие».

Эта бумажка, как полагаются, была снабжена подписью и приложением печати. И началась бодрая и энергичная жизнь молодого таланта. Организации и лица оказывали ему содействие (обычно всемерное), сочинял он какую-то талантливо и постоянно судился с теми лицами и организациями, которые содействовали ему не оказывали.

В конце концов, дело не в этом жульничестве человека, а в тех порядках, которые существовали зачастую в союзе советских писателей. Если бы союз занимался исключительно творческими вопросами, всяким жульничкам не было бы смысла туда лезть. Но в том-то и дело, что от творческих вопросов союз отделился бумажная бюрократическая стена.

В последнее время в работе союза советских писателей появились новые черты, которые не могут не порадовать писателей, искренне любящих литературу. Это в особенности касается приема в союз новых членов. 3 сентября на заседании президиума была принята группа литераторов.

Особенно характерно, что большинство из принятых — уже сложившиеся авторы. Им не надо, как это бывало раньше, доказывать свою принадлежность к литературе при помощи заверенных копий договоров на романы, которых никогда не прочтет читатель, и пьес, которых никогда не увидит зритель.

Даровитые братья П. и Л. Тур, вдумчивый критик А. Гурвич, молодой талантливый поэт К. Симонов — эти товарищи не нуждаются в особых рекомендациях. К. Симонов читал на заседании свои стихи, стихи чувств и полные чувства. И собравшиеся на заседание писатели подсказывали ему, какие стихи читать.

Вместо надоевших «слушали» — постановили (обычно «слушали» о чем-либо заявлял писатель или рек, а также об оказании ему творческой помощи) и «поставили»: для творческой помощи командировать сквозную бригаду инструкторов — появилась совершенно новый, хороший, человеческий протокол: «Слушали» — стихи поэта, постановили — принять поэта в союз. И даже поаплодировали молодому поэту.

Вот естественный путь вступления в литературу: сперва произведение, потом — успех, и наконец — союз, как результат предыдущих усилий! Так вступают в союз преобладающее большинство писателей, так создавался союз советских писателей.

А ведь бывало и иначе. Мы не должны об этом забывать. Бывало и так: сперва договор на поданное произведение, потом — союз и, наконец, — полное отсутствие успеха.

Бывали случаи, когда с самого же начала своей деятельности писатель (вернее «писатель» в кавычках) шел неестественным, искусственным путем. Он игнорировал мнение читателя, чему немало способствовали и некоторые чиновники из аппарата союза.

Придавалось огромное значение тому, «что скажет Марья Алексевна» из какого-нибудь областного сектора, и очень мало значения придавалось мнению Ивана Ивановича Иванова из шахты № 5 или Сергея Сергеевича Сергеева из Н-ского полка.

Литчинуши очень хорошо понимали, что если дать слово читателю и настоящему писателю, то разговор сразу же пойдет о самом главном, то есть о качестве произведения, а не о побочном, то есть борьбе самолюбий, писательских рангах, лживых «дружеских» оценках, творческих отпусках, выпрашивании благоприятных рецензий.

Союз советских писателей начинает ставить в центр своего внимания рукопись, а следовательно занимается самым главным.

Примем в союз даровитых писателей, завоевавших собственным трудом право вступить в него — большая и ответственная работа по собиранию талантов, которыми так богата наша советская страна.

ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ НАРОДНОГО АРТИСТА СОЮЗА ССР К. С. СТАНИСЛАВСКОГО. Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановил: 1. Соорудить в г. Москве памятник К. С. Станиславскому. 2. Создать правительственную комиссию по приему литературного наследия К. С. Станиславского. 3. Учредить пять государственных стипендий имени К. С. Станиславского для выдающихся студентов Государственного Института Театрального Искусства и учащихся студии им. К. С. Станиславского. (ТАСС).

НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ. Повесть о суровом друге

ЛЕОНИД ЖАРИКОВ

«Повесть о суровом друге» — первое крупное произведение студента литературного университета Леонида Жарикова, напечатанного до сих пор лишь несколько рассказов в областных журналах. Герои повести — мальчишки: Леня, от лица которого ведется повествование, и его старший друг Вася, сын шахтера Анисима Ивановича, искаленного им империалистическую войну.

«Повесть о суровом друге» относится к концу империалистической и началу гражданской войны. Полностью повесть будет напечатана в журнале «Знамя».

Вася стал, ругая по швам, и с серьезным лицом начал быстро говорить. — Командиру четвертого полка тов. Чубко. Завтра на рассвете кавалерийский полк Шкуро при трех бронепоездах, тридцати пулеметах пойдет на рудник глубокий обходом справа и слева. Готовьтесь к обороне. Передает комиссар Дмитрий Арсентьев». Все это Вася вывалил наизусть, ничуть не замешкавшись.

— Молодец! — похвалил его дядя Митяй. — Теперь погуляй, а после еще спросим. Я вопросительно смотрел на Васю. Он вынул картуз и вывел меня на двор. За сараем мы сели в высокую лебеду. — Вот что, Леня, — сказал он в раздумье, — это я прикажу дядню Митяев вынул. Сегодня ночью понесу его на рудник. Если хочешь, идем удвое.

Я молчал, не зная, что ответить. Это было для меня неожиданностью.

— И больше не придем, — сказал Вася. — Нас зашият красноармейцами, дадут винтовки, сабли, лошадей, и тогда мы отплатим белякам за все. Мне снова вспомнился отец, его скрипящие кожаные штаны и револьвер, о которых я так много мечтал. Вспомнились обиды и горечи, пережитые мной. Поднялась зависть к васькиной смелости и стыд перед ним. Я встал.

— Идем! — решительно сказал я. — Ну вот. Домой ты уже не заходи, а жди меня около витькиного дома, понял? — Понял. — А бояться не будешь? — Нет.

— Ну, смотри. Там во каких смелым надо быть. На десять человек одному итти и всех побивать. Стрелять нужно уметь и ночью ходить не бояться.

Вася поднялся и ушел. А я постоял минуту в раздумье и прошлепал по двору, мысленно прощаясь с постройками, так знакомыми мне. Саблю нашу я зарыл под сараем. Взял в карман десять патронных гвоздей, пуговицу со звездой и перочинный нож германца.

Подкрался к окну земляники, я взглянул в него, чтобы последний раз посмотреть на тетку Матрону и Анисима Ивановича, так заботливо принявших меня, когда я стал сиротой.

Дядя Митяй одевал через голову Васю нижнюю суму. — А ежели поймут, говори — к тете на рудник идишь. Скажи — милостыню в городе собрал. Пойдем сперва по-над карьером. Потом влево свернешь, к колодезьку, а там по «Дурной балке». Старайся, чтоб не приметили.

— Ты потише, Васечка, — вытирая слезы, проговорила тетка Матрона, — не беги, если слышат, не дерись. — Будь вроде как непонятливый, — любил Анисим Иванович.

— Да вертайся поскорей. Отцу без тебя трудно, да и мать убиваться будет, сам знаешь. Вася молча собирал в сумку куски хлеба, и липо его было такое, с каким он наступал на кадетов в битве на реке Кальмиус, два года тому назад.

Дядя Митяй озернул гимнастерку и подошел к столу. — Ну, старина, — сказал он, и обнял Анисима Ивановича. Прощай! — Они поцеловались. Потом дядя Митяй попрощался с теткой Матроной, поднял руку, и уже в дверях крикнул: — Прощайте! Для связи, значит, теперь Леня у нас. Ну, пошел!

Я прижался к теплой земле, чтобы меня не заметили. Дядя Митяй прошел мимо, чуть не наступив на меня. За ним шел Вася.

Они остановились, помолчали. — Видишь какое дело, Васек, — сказал дядя Митяй, — при матери не хотелось говорить. Прикаж мой... как бы тебе сказать... Ну, умереть нужно, а доставить. Две тысячи людей наших погибнет. Беляки в обход идут, неожиданно захватят в кольцо и помной, как звали... Так что, если удержишь тебя — вернешься, зайди с другой стороны, а ежели и там прохода нету — беги направо. Что будет, то будет, — беги и все.

— Ладно, чего там, — угрожаю отозвался Вася. — Ну и хорошо, а теперь... дядя Митяй ушел и я услышал звук пошедеу. — Прощай, сынок. Смотри, берегись.

На улице удалялись шаги дяди Митяя. — Вася, а Вася, — тихо позвал я. Вася нагнулся ко мне и тихо прошептал: «Иди, куда я сказал, а тогда вступай». Я поднялся и, крадучись, вышел на улицу. Мой пустой дом, заброшенный и страшный, смутно виднелся сквозь темноту. Мне стало жаль покидать этот дом, хотя я редко бывал в нем после календцев. Чтобы не расклататься, я отворнулся и пошел по улице. На углу улицы я вошел в палисадник дома Витьки-«доктора» и лег между кустами сирени.

Вскоре послышались осторожные шаги и шуршащие платья. Мимо прошел Вася с матерью. Потом она, возвращаясь, снова

прошла мимо, и я услышал ее печальный шепот.

— Господи милостивый, сохрани и помилуй раба твоего Василия, уберечь его от пуги горячей, сохрани от сабли вострой. Да будет воля твоя и царствие твое на земле... Когда же шаки смолкли, недалеко раздавался Васкин свист. Я ответил, Вася вошел в палисадник и сел рядом. Мы прислушались. Над степью стояла тишина. В городе внезапно, как пулеметная дробь, простучали копыта шкурового раз'езда и снова тихо.

— Ну, пойдем, — сказал Вася, вставая. — Надо пройти незаметно. Если поймат, говори, что ты мой маленький брат и мы идем к тете на рудник. А не поверят и станут бить, — нехай бьют, — молчи. Ты теперь настоящий красноармеец и должен бить как, — он понахил в густой листве и поднял камень, — вот как этот камень, видишь? Он не боится и ты не бойся. В тебя стреляют, а ты иди.

— Ну, не бойсья? — Нет, — ответил я. — А ну, полей сам до колодезьки. Я встал, колени мои дрожали, я нагнулся и поднял камень.

— Ты чего? — А так, я камень взял. — Зачем? — А если собака попадет. — Нету собак там, брось, — невольно прошептал Вася.

Я бросил камень, и смелости во мне убавилось наполовину. Однако я вышел из палисадника, робко оглянувшись по сторонам и замирающим сердцем пошел с горы. По бокам зияли черные ямы, и в каждой из них мое воображение рисовало по два шкурова с вылитыми зубами.

— Чего я боюсь? — мысленно спрашивал я себя и отвечал: «ничего не боюсь. Заслы волков нету, а если и встретится, я ем... пррр...». Вдруг за волококаяй я услышал приглушенные мужские голоса, и мне по-настоящему стало страшно. Я повернулся назад и столкнулся с Васькой. Он шел за мной и наверно тоже слышал голоса.

— Давай говорить, как будто мы ничего не знаем и идем к тете, — тихо сказал Вася, и вдруг громко и весело заговорил: — Сейчас придем домой. Тетя Варя нам лепешек напечет. Ох, и наедимся мы, правда? — Ага! — крикнул я так громко, что Вася толкнул меня в бок.

— Тите! — Стал накрапывать дождь. Над заводом в черном небе сверкали огненные сабли молний.

Шурша по траве, мы двигались почти наощупь. Вдруг вперед что-то зашевелилось, и сильный голос окликнул: — Кто идет? — Мы замерли. Я готов был броситься в бег. Но Вася предупредительно сказал мне руку.

— Это мы, — сказал Вася. Молчание. С земли кто-то поднялся, и я увидел лапaku с белой козлардой. — Кто там? Пропуск! — грозно проговорил тот же сильный голос. Восторженно слышались легкие торопливные шаги.

— Курый, кто там? — Папаны, ваше благородие. — Какие папаны? Откуда? — К нам быстро и бесшумно подошел кто-то другой. Голос его показался мне очень знакомым.

— Мы к тете Варе, на рудник, — сказал Вася. — Она больная лежит. Мы ей милостыню насабрали. — Какая такая тетя Варя? — крикнул офицер и кивнул солдату: — Обыскайте. Солдат сунул у Васю сумку и принался шарить в ней.

— Куда идете? — спросил офицер. — Я же говорю: на рудник, к тете Варе. Мы братья, сироты, — говорил Вася. — Сироты? А вы знаете, что здесь нельзя ходить? — Нет, — ответил Вася. Солдат вытряхнул и доложил: — Макуха, ваше благородие.

Офицер пошарил в карманах, чем-то щелкнул и вдруг ярким свет ослепил мне глаза. — Стоп, стоп, — торопливо проговорил офицер, присматриваясь к Васке. — Нука, глянь сюда. — Офицер вытряхнул. — Так-с, так-с, — протянул он, — в тете Варе, значит? И вдруг схватил Васку и закричал на солдата: — Болван! Держи другого!

Но тут случилось что-то непонятное: Вася подпрыгнул, в животе офитера что-то звякнуло, и он упал на спину. — Тыкай! — крикнул Вася и метнулся в темноту.

— Стреляй! — испуганно крикнул офицер, — стреляй, говори, чортова морда! и почти сейчас же сади ахнул выстрел. Холодный страх охватил меня. Я бежал за Васькой, перепрыгнул какой-то ров, упал, снова поднялся. В это время за спи-

НАКАНУНЕ 125-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКО КИЕВ

По решению правительственного Шевченковского комитета Украины государственные литературные издательства Украины и редакция «Литературной газеты» объявляют конкурс на лучшую биографию Шевченко.

В конкурсе могут принять участие писатели и критики Украины и братских республик. Рукописи на конкурс подаются под девизом и под тем же девизом в закрытом конверте — фамилия, имя и адрес автора. Размер биографии не выше двух авторских листов. Книга должна быть рассчитана на массового читателя. За лучшие биографии устанавливаются три премии: первая — 5000 р., вторая — 3000 р. и третья — 2000 р. За принятые биографии кроме премии выплачивается авторский гонорар. Последний срок подачи рукописей на конкурс — 1 декабря 1938 г.

Управление по делам искусств при Совнарком Украины выпустит к юбилею Шевченко тесу украинского драматурга Суходольского — «Юность Тараса»; намерено издать по произведению поэта оперу «Марина», музыку к которой пишет композитор-орденоносец Косенко.

Киевский Государственный академический орден Ленина театр оперы и балета готовит балет «Петруся». В основу литературного либретто, подготовленного поэтом Любимиром Дмитрием, положены поэмы «Петруся», «Сон» и «Княжна». Музыку пишет композитор-орденоносец В. Лютинский.

К юбилею организуются республиканские и областные выставки картин, посвященные жизни и деятельности Шевченко.

Издательство «Мистецтво» выпустило книгу Л. Штепачевского «Державний заповітник» — юбилей Т. Г. Шевченка». Автор рассказывает о шевченковских местах, привозит народные легенды, записанные со слов колотвинок, о поэте как о пламенном защитнике крестных. В книге свыше двадцати иллюстраций.

Несмотря на то, что трудящиеся Советской Украины и всего СССР принимают участие в подготовке к юбилею, Киевская «Литературная газета» — орган правления союза писателей Украины — проявляет невольную сполнительность. До сих пор газета не напечатала ни одной серьезной статьи о творчестве великого поэта.

Институт мировой литературы им. Горького возбудил перед Академией наук СССР ходатайство об организации в конце марта специального заседания Академии наук, посвященного творчеству Шевченко. Институт предлагает подготовить к заседанию выставку о жизни и творчестве поэта.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького примет участие в выпускаемом Шевченковским комитетом и Академией наук УССР сборнике, посвященном жизни и творчеству украинского поэта. Для этого сборника Институт наметит три работы на темы: «Шевченко и Горький», «Шевченко и великие революционные демократы», «Шевченко и утопический социализм».

К предстоящему юбилею Ленгослитиздат готовит сборник на тему: «Тарас Григорьевич Шевченко и парская цензура». В сборнике будут приведены прокламации киевского комитета РСДРП, выпущенные в 1914 году к столетию со дня рождения Шевченко, а также материалы, показывающие, как парское правительство запретило и преследовало сочинения Шевченко.

В последние время мадридские и барселонские издательства выпустили ряд интересных книг. Вышел обширный том стихотворений Рафаэля Альберти, включаются произведения, написанные с 1924 по 1937 год. Поэт Артуро Серрано Палаха выступил с книгой «Человек и труд». Книга Сесара Фольяно, одного из виднейших коммунистических журналистов, «Мадрид» — дает картину героической борьбы народа против фашизма. Опубликованы агитационные пьесы, шедшие с успехом в Мадриде: «Утка» и «Саботажник». Сантьяго Онтаньяна, «Тени героев» Германа Блейбергера, «Кофе... без сахара» Пабло де ла Фуэнте и «Радио из Севильи» Рафаэля Альберти.

Вышел также испанский перевод книги В. В. Вересаева — «Жизнь Пушкина».

В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise» («Я обвиняю»). В отделе «Писем из-за рубежа» — корреспонденция Жоржа Сальва о кино и известной австралийской писательнице Сьюзанн Причард — о литературном движении в Австралии, а также информационная статья А. Абрамова, посвященная литературе Австралии.

В отделе «Литературное прошлое» интересны статьи Золя — его публицистические выступления, связанные с делом Дрейфуса, и знаменитая его статья «L'assise»

Молодые поэты Грузии

Среди поэтической молодежи Грузии много людей даровитых, интересно работающих и заслуживающих внимания читателей. К 20-летию ВЛКСМ Гослитиздат выпускает книгу стихов четырех наиболее выдающихся в последнее время поэтов-комсомольцев — Григория Абашидзе, Ираклия Абашидзе, Григория Качехидзе и Александра Гомташвили в переводах русских поэтов.

Этих четырех разнообразных поэтов роднит любовь к родине, глубокая любовь к грузинской культуре. Трудный период первоначальной учебы всеми ими пройден. И о каждом можно говорить всерьез, не делая скучных ссылок на молодость.

Григорий Абашидзе — лирик, умеющий оптимизировать бытовые, на первый взгляд незначительные явления, осветить их угрюмыми лучами юности.

Нельзя не радоваться, входя в мир его поэзии. Характерно его стихотворение «Из московских ночей», приникнутое в Москве, в своей многонациональной родине:

Не как безрадостный связанный пленник,
Вспомнил разбитых годов провалов,
Полный снывой любви современник,
Я со стихами в столбцу пришел.

Мечта советских поэтов — сытно и правдиво показать большевикам, нарисовать образ товарища Сталина. Абашидзе много и упорно работал над поэмой о товарище Сталине в Чхатрахе.

Следует особо отметить любовную лирику Гр. Абашидзе. В ней есть кое-что поучительное для многих наших поэтов. Поэт сумел отделиться от назойливого штампа, так часто портящего лирические стихи.

Не менее интересен поэт Ираклий Абашидзе. Русский читатель знает его по «Балладе спасения», переведенной В. Пастернаком. За последние годы Ираклий значительно вырос, стихи его приобрели индивидуальное звучание.

Он пишет об Испании, о товарище Кирове, стихи его современны в лучшем смысле этого слова. Поэтическая речь для него необходима, поэтому она становится необходимой и близкой читателю.

Пусть мои строки стихами назвали,
Если другого названия нету,
Если бы людей они вдохновляли,
Шли б, как посланники сердца, по свету.

Поэт чувствует свою близость к земле, которая его вырастила, он говорит:
Мне наша светлая родина в горло
Новую звонкую песню вложила.

Ираклий Абашидзе свободно вводит разговорные интонации в свою поэзию. Учеба у Маяковского принесла поэту ощутимую пользу.

миафильм повествуют о борьбе, лишенные какой-либо сентиментальности. Ему особенно удаются картины суровой природы Кавказа.

Гомташвили черпает образы из старых сказок и легенд:
Он песню не допел еще, когда его убили,
И до сих пор мотив ее доносится из мглы.

Трагическая «Баллада прощания» повествует о смерти комсара Бутырина, боевого соратника Серго Орджоникидзе. Бор за освобождение Кавказа от белогвардейцев и меньшевиков поэт называет сражением с руставеливскими «калжами».

Смерть героя полна веры в победу: «Сила каменных громад теперь добыта нами». И на могиле бойца Серго предлагает спеть не похоронную песню, а грузинскую колыбельную.

Поэт Григорий Качехидзе крепко связан с деревней. Яркие образы природы проходят в большинстве его стихов. Интересно его стихотворение «Дурджан».

Следует отметить оборонную направленность его творчества («Железнодорожный часовой», «Любовь снайпера»).

В сборнике «Молодые поэты Грузии» печатается небольшая поэма Качехидзе, несколько прозаично названная автором «Тот район и та усадьба». Поэт рассказывает о своем возвращении в деревню, где протекало его детство.

Поэма показывает грузинскую деревню периода коллективизации. Сильно звучат строки о новой деревне, о колхозном строе.

Четверым молодым поэтам свойственны недостатки, которые можно обобщить. Пшут они почас чересчур цветасто, нагромождая эпитеты. Причина этому — недостаточное строгое отношение к себе, неуверенная юношеская жадность ко всему, что кажется поэзией, но не всегда является ею.

И уже говорил о любви к грузинской культуре, положительно характеризующей молодых поэтов; Шота Руставели является для них неисчерпаемым источником вдохновения.

В грузинской литературе есть новая руставелинская ветвь, разрабатывающая образы бессмертного поэта. Несомненно, она будет процветать, ибо почва ее плодородна и прекрасна. Но следует предостеречь поэтов, о которых шла речь в настоящей статье, от излишнего «олитаратуривания» своих произведений.

Поэты-комсомольцы Грузии приходят к доблестному комсомолу с значительными успехами. Григорий Абашидзе, Ираклий Абашидзе, Александр Гомташвили и Григорий Качехидзе идут в литературу уверенными шагами. Но ими пройден лишь первый этап, они сделали лишь «пробу голосов».

Грузинский и русский читатель будет ждать от них новых глубоких и интересных произведений о советской Грузии, о ее героях, о ее молодежи.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

ДВАЖДЫ КРАСНОЗНАМЕННЫЙ

Комсомольский марш для 2-голосного хора или одного голоса с акк. ф-п.

Музыка К. ЛИСТОВА

Стихи Е. РЫВИНОЙ

Сколько дорог за нами,
Сколько дорог нас ждет...
Вспомним былые ребята,
Вспомним двенадцатый год.

Родине нашей юность
Отдали мы сполна.
Мы подымались так же,
Как подымались она.

Падая товарищ, окрасил
Кровью кристаллический лед.
Ния твою, Герасим,
В наших сердцах живет.

Если границы наши
Тронуть посмеет враг,
Булет тогда, как прежде,
Тверд комсомольский шаг.

ЛЕОНИД ЖАРИКОВ

Повесть о суровом друге

Начало см. стр. 1

ной хлестко прозвучал другой выстрел, третий, и пули засвистели над головой, то сюда, дзынькая в траву, а все бежал, но бежал, куда бегу и где Вася. Почему-то я очень ясно слышал, как звенели в моем кармане гильзы от патронов и медная пуговица.

он, — приказ дадин Митяев надо передать. Идем скорей.
Вдруг Вася выгнулся назад, как будто к спине ему приложили раскаленное железо. Шатаясь, он постоял мгновение и рухнул прямо на меня.

Больше он не поднялся.
В ужасе я приблизился к его лицу... Вася не дышал, я никогда не видел человека, который бы не дышал.

нам пришлось бежать, и полицейские поймали двоих моих приятелей. Мне удалось спастись. После этого я остался один и сел на другой поезд, который довез меня до Цюриха.

«Булонь». Тогда я на перроне упал в обморок. От усталости, понимаю?
Потом за мной приехала карета скорой помощи, меня отвезли в больницу и дали постель. Но я чувствовал, что для меня там не очень надежное место, и на завтра я удрал через окно уборной. К несчастью, на дворе были люди, меня поймали и отвели в полицию. Меня присудили к четырем неделям тюрьмы за проезд без билета и еще к четырем неделям за то, что хотел убежать. Но через шесть недель меня все-таки освободили, и я смог, наконец, поехать в Париж.

суда, а завтра я весьма необыкновенным способом купил себе перронный билет. Есть такой аппарат, кладешь в щелку десять су, нажимаешь, и билет сам выскакивает; очень удобно.

Пятьдесят пять лет со дня смерти

Из трех крупнейших классиков русского романа — Тургенев старший и единствен...

В начале 1937 года минуло сто лет с тех пор, когда юный Тургенев трижды — сперва у Пастернака, потом в концерте, потом в трубу — увидел Пушкина. Его первые стихи появились в печати в одном году с «Песней о кучке Калашников» Лермонтова...

Так тянется через него нить непосредственного общения от Крылова — чуть не от XVIII века — до нашего времени. Он оказывается, таким образом, живым звеном, соединяющим далекое прошлое с лежачим пред нами будущим, а его произведение — художественная летопись того, что было пройдено за годы его жизни не только им, но и теми «русскими людьми культурного слоя»...

За половину столетия, отделяющую нас от той глыбы, когда разнороднейшие слои русских читателей сошлись у его праха в единомгновенном и любовном его почитании, многое потусклоло в этой легенде. Постепенно и неуклонно она сменяется исторической правдой. Но признание и любовь остаются, во всяком случае — должны остаться. Тургенев вправе ждать внимания от новых читателей, углубленного исследования — от новой науки, углубленной оценки — от новой критики.

Посмотрите на его известные портреты: это красивый старик, большой, статный, величаво-спокойный, крепкий. Почитайте его письма: это тоже старик, унылый, жалующийся, терзаемый сомнениями, вечно чем-нибудь больной, слабый телом, слабым духом. «Росту он был почти огромного, широкоплечий; глаза глубокие, задумчивые», — рассказывает Конон Леонтьев. И Антокольский говорит: «...он напоминал дремлющего льва». «Иппитер» — было первое мое впечатление. А вот Б. Арлово вспоминает: «доброта его длинных ног, не соответствующих огромному туловищу, что, вероятно, и обуславливало отсутствие твердости в походке, и Конон прибавляет: «как сейчас... слышу его мягкий «бабный» голос, тоже мало соответствующий его большому росту и крупному слоению».

И в выяснении его характера с самой ясностью такое же расхождение. «...что это за человек? — писал он брату Достоевский. — Поэт, талант, аристократ, красавец, богат, ум, образование, 25 лет — и я знаю в чем природа отказала ему? Наконец: характер неистинно прямой, прекрасный, выработанный в доброй школе». В эти самые годы писал о нем далеко не враг его, Герцен: «Хлестаков, образованный и умный, внешняя натура, желание выказываться с фатовством, но имеющие грани». И в дальнейшем повторяются такие же отзывы, то пристрастные в ту или другую сторону, то правдивые в своей объективности, то жестокие в своей снисходительности. Полной правды нет ни в том, ни в другом впечатлении. За внешнюю внешность скрывалась мнительность, за неуверенностью в себе был твердый взгляд на многие важнейшие явления жизни, был большой ум: «внешней натурой» был глубокий художник, один из тех, кого мы называем великими писателями.

Вся жизнь Тургенева, все его творчество, такое полновластное и цельное, есть сплошная борьба, — борьба с разными общественными силами, между которыми он оказался, борьба с разнороднейшими современниками, которым ему приходилось быть то другом, то врагом, борьба со своими слабостями, жертвой которых он оказывался не только в жизни, но и в творчестве.

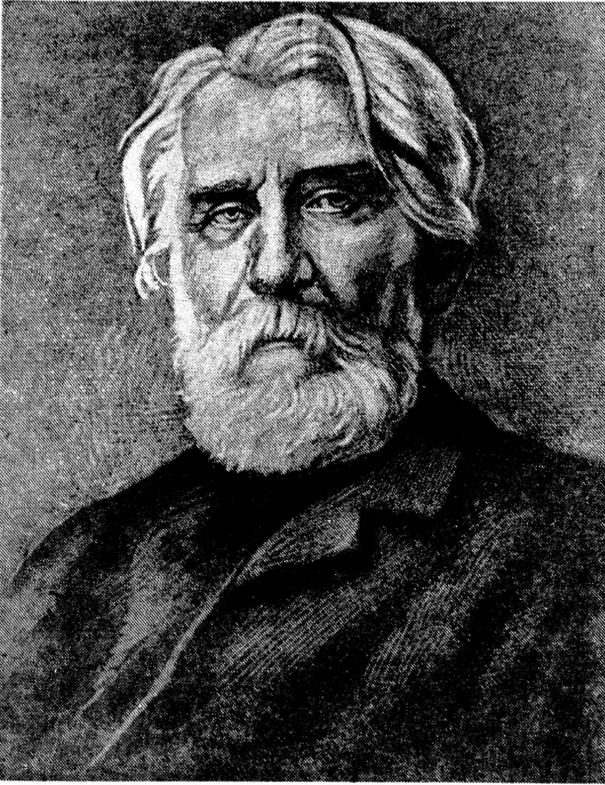
Как будто какая-то злая воля упорно ставила его в двойственное положение. Богатый наследник, он долго жил в денежной зависимости, и целые периоды своей жизни проводил в нужде. Дворянин и помещик, он чувствовал себя прежде всего интеллигентом, литературным работником. Сторонник медленного развития государственной жизни и ограниченной реформы, проводимой царским правительством, умеренный либерал и «постепеновец», он давал деньги на издание революционного журнала. Полюбив женщину, пред умом, характером, артистическим гением которой преклонялся, он не добился того, чтобы она стала его женой, и так как она была замужем за другим, прожил всю свою жизнь при ней в лесопом, фальшивом, унизительном положении, сместа которого мы до сих пор понять не можем. В его время его ценник больше всего как поэта молодежи, в нем искали певца ее лучших стремлений. А сам он, за исключением дней ранней молодости, никогда не чувствовал себя молодым. Признаниями этого рода полны его сочинения, письма, разговоры. Ему было едва за тридцать лет, когда на его висках появились седина, и он уже говорил в одной рецензии: «мг, старик», а в письме Яльву Толстому писал: «вся ваша жизнь стремится в будущее, моя — вся построена на прошедшем». Он считал себя объективным писателем и утверждал, что за роман или повесть вправе ваяться только тот, кого «изучение человеческой физиономии, чуждой жизни интересует больше, чем изложение собственных чувств и мыслей», а между тем сам в образах важнейших своих героев много раз рисовал именно свои свойства и налагал свои черты. Он был образцом современной ему русской действительности, а изображать современность — значит участвовать в ее борьбе; между тем его всегда тянуло одновременно стать выше столкновений, быть «беспристрастным». От него требовали ясности в программе, твердости в руководстве, а это требовало стальной души с чертами его характера — нерешительного, уклончивого, и еще больше — с общим складом его литературного дарования, в лучших своих проявлениях совсем не боевого, спокойного, дактилического. Тем не менее в течение ряда десятилетий он считался и до сих пор считается трагическим. Человек весьма добрый и уступчивый, ко всем благожелательный, всегда готовый признать свою неправоту, он не менее рассорился с рядом знакомых и друзей, которых очень ценил. Среди них с таким, как Толстой, Достоевский, Герцен, Некрасов. Волевым и произвольным в литературной работе, в которой прошли лишь немногие дни его сознательной жизни, он вечно подпадал под припадки безверия в свои силы и переполнял письма к родным и друзьям заявлениями о твердом решении отказаться от писательской деятельности, — и не переставал писать. Требовательный к себе и к другим в деле искусства, знаток в вопросах вкуса, создатель множества произведений, способных удовлетворить самую изысканную критику, — он разоблачал по своим творениям пятна личных выходов, неуныжных комментариев, неуместных замечаний.

Таков его образ, разорванный, внутренне несоединимый, такова его жизнь, печальная и биастельная, трагическая, хотя и без роковых ударов судьбы, такова его творчество, то захватывающее мощью и красотой, то не удовлетворяющее в прекрасных своих проявлениях.

Он знал великие победы и великие неудачи. Но поэта ценят только за его победы, и сегодня, в день воспоминаний о нем, пожалуй, и не к месту речь о его неудачах, в которые стоит вдуматься лишь для того, чтобы углубиться в его достижения, понять и тем выше оценить их. Уместнее напомнить хоть немногое из того, чем он попрежнему может быть дорог читателю.

Как известно, бесспорным он был разве выдале — в эпоху «Записок охотника» и «Дворянского гнезда». Бесспорным оставался его талант, но общественная его позиция часто казалась двойственной, неясной, и резкое расхождение радикальной критики в оценке «Отцов и детей» — только наиболее яркий эпизод в истории борьбы с ним, борьбы за него. Каждое новое крупное его создание возбуждало бурю одобрения и порицания, вызвало общественную активность, какой не встречали проявления его больших современников.

Сменяя друг друга, не раз уже возникали и затихали эти бури; но чем дальше, тем очевиднее становилось, что они отражали лишь какую-то частичку отношения

читателей к Тургеневу. Чем дальше, тем сильнее нарастало признание его значения, ширился его слава, углублялось всеобщее влечение к нему. В наше время даже трудно представить себе, до какой степени герой Тургенева был тогда у нас известнее и ближе читателям, чем, например, герои Достоевского и Толстого. Люди, так сказать, жили и мыслили в атмосфере тургеневских образов.

Ничего не вышло из попыток Тургенева привести людей к согласию в политике, но в другом он сошелся: в любви к нему, в живом ощущении его поэтической силы, задушевности его создания, проникновенности, правильности его картин, высоты его женских образов.

Так или иначе, но после всех споров об отдельных его произведениях и персонажах, поступках и мнениях, — он как по-прежнему и вдруг оказался бесспорным, необходимым, своим. Выросло и утвердилось ощущение, что в громадной массе его творчества, во всем этом необозримом мире людей, признаний, столкновений, трагедий всякий может найти что-то свое, нечто лично пережитое, и это ощущение легло в основу окончательно установившегося отношения к Тургеневу.

Вскоре после его похорон В. В. Вересаев, тогда провинциальный гимназист, писал в своем дневнике: «Спасибо Тургеневу! Столькими сладкими, дорогими минутами жизни я ему обязан! Для меня он — первый поэт в мире. Во время неудач, невзгод и прибрега к нему, и при чтении его, душа очищается, тоска пропадает. При нем забываешь все драмы жизни, уносишься в далекий, идеальный мир. И в это-то время как жалко мне темных, необразованных людей, которым недостают высшие духовные и эстетические наслаждения!»

Большая пол века прошло с тех пор, как набросаны эти выноски порывистые строки; целые миры легли между ними и нашей молодостью. Кто повторит нынешний советский вояка из этой эпохи? Вероятно, весьма немногие — и очень немногие: самое главное. Он не воспользуется теми словами и выражениями, в которые отличил свои мысли и чувства мальчик Вересаев пятьдесят пять лет тому назад; ждало ему и кое-что из этих чувств, как, например, туманное стремление «из далекого

идеального мира» для того, чтобы забыть «все драмы жизни». «Вспомним, однако, что бессильной жалостью не ограничилось и поколение Вересаева. Мы знаем, что благодарности за влечение к слову принесли на гроб Тургенева и революционеры. И до наших дней дошло очарование его слова, его сила, его прелесть, его поэзия. Меняются взгляды на него; как живой участник общественной борьбы, он оценивается подчас сурово, но значительность его остается в великих переменах. Он навсегда занял место среди непревзойденных и живых классиков. Ни одна смышленная душа не может не думать о нем, несмотря на это, можно учиться писательскому мастерству, его умения лепить человеческие фигуры, его превосходному языку, такому ясному и выразительному. Это неправильно: нельзя ничему научиться у поэта, который для тебя не поэт, который не дает тебе простой радости, который тебе вполне чужд. Вель и от Гомера, от Шекспира нас отделили их взгляды, иногда бесконечно нам далекие. Но наше чувство разрывает толщу их суеверий, их, чуждых нам, воззрений, за веком наша мысль находит тон поэта, которым мы наслаждаемся и у которого учимся — не литературному искусству, — это дело второстепенное, да и не всем же быть писателями. Для другого нужен нам Тургенев. Незаменимо и неповторимо то, чем он, как истинный поэт, обогащает читателя, и мы выигрываем раз навсегда, отказавшись здесь от неопределенных слог о мастерстве формы, о красоте языка: песни и полные эти слова только тогда, когда очень хорошо знаешь, что под ними подразумеваются».

Тургенев не был историческим романистом, он ставил картины своего времени. Как общественный деятель, он без возражения хоронил обремененное прошлое, как художник-реалист он внимательно оберегает для памяти картины общественной жизни. Но не только отомиднившими фигурами, старинными нарядами, отжившими словами, несомненно чуждыми чувствами полны его рассказы. Залача представлять «обая и давление времени», своего времени, — тоже ведь есть задача историческая, и наиболее чуждая историческому выразительности полноте у Тургенева облик самого автора. Он сам проделал эти раскрытия и осуждения, им историко, он уяснил себя самого себе, — реходя от «лишнего человека» к Лавренко, от Рудина к Пугачеву. И как он принадлежит не только своему, но и всякому

будущему времени, так и его герои. Они насыщены содержанием, они возбуждают в нас деятельное отношение к жизни, они — как бы форма, в которую отливается искание нашей мысли и активности нашего чувства. Невозможно — да и нет необходимости — представить перечень этого богатства: поэт, как море, нельзя исчерпать уже потому, что он всегда заново наполняется. Поэтические сны, эпизоды, описания — это ведь изображение людей и их характеристики, это средство глубокого воздействия на читателя, и надо ли напоминать, как просто сильнейшее описание у Тургенева, как немного красок на его палитре и, однако, как беспредельно их богатство на его картинах. Надо раз прочитать, чтобы уже никогда не забыть сцену встречи Лавренко и Лизы в монастыре, а между тем — невероятно! — в этой сцене всего десять строк. Вот это и есть мастерство формы: так подготовил читателя предыдущим рассказом, чтобы десять строк простого фактического описания охватывали целой бурей глубоких ощущений. Потрясающая медлительность творческим гением Лемма из мира звуков, скандинавская легенда в передаче Рудина, чтение пушкинского «Анчар» в «Затишье», грустные строки в письме Давыды о гибели юного восточного Эмилли за свободу родины в отряде Гарибальди, песня Якова в притяном Кабачке, номинальный обед после похорон «Несчастной», Чертопанов на Малек-Аделе, сперва настоящим, потом поддельным, одинокие старики Базаров на могиле сына, ночь с крестьянскими мальчишками на Бежином лугу, лунная ночь в Италии, и лесной пожар в Польше, — большое и мелкое, забавное и страшное, прекрасное и карикатурное, как все это проникает чувством, как внедряется в память. Это лирика, но это не самое сильное в Тургеневе. Да, он был лириком и в романе, он умел захватывать задушевностью, он подкупалше задевал самые интимные струны в читателе.

Главное в его поэзии все-таки не его чудесная лирическая сердечность, не нежные краски в изображении любви и описания природы, не красота, не поэтичность, а именно поэзия: такое осмысление жизни, какое дается нам только художественным ее изображением. И ценно не то, что он великий лирик: невозможно важнее то, что он великий этический поэт, великий помыслил, великий мастер объективного изображения, создатель мира образов, которые раскрывают и уясняют нам не только личность И. С. Тургенева, но жизнь, кипевшую вокруг него, кипевшую вокруг нас. И не только уясняют, но победительно ставят нам вмяться в нее, в ее создание, в ее борьбу.

Человек раздумья и сомнения, Тургенев всю жизнь терзал этой склонностью к рефлекции, этой своей переосмысленностью, неспособностью к действию. Он облучал ее в поэзии, в образах своих Гамлетов Шиндровского и иных узлов, облучал и в критике. Особенно в речи о Гамлете и Дон-Кихоте, где превознес самоотверженное, решительное, беззаветно верующее в добро и правду и всегда действительное ламантского рыцаря, как высшее существо в срав-

нении с меланхоличным, колеблющимся, раздвоенным сомнениями принцем датским. В себе он чувствовал пороки Гамлета и тем злее обличал их; в себе он не нашел достоинств Дон-Кихота и тем увлеченнее восхвалял их. Прошли годы и годы, прожитые нами в общении с Тургеневым, и кажется, опыт их дает нам право сказать, что он был несправедлив к себе.

Первая страница «Вешних вод» поражает сходством героя с автором повести. Воспоминания Санина открываются изображением той же тоски, которая неотступно владела его создателем. «Он размышлял о суете, ненужности, о пошлой фальши всего человеческого... Везде все то же вечное переживание из пустого в порожнее, то же глотание воды, то же, наполнову добросовестное, наполнову сознательное самообольщение... — там вдруг... нарвант старости — и вместе с летом, тот постоянно-возрастающий, все раздвигавший и подталкивающий страх смерти... Мы знаем, что «Вешние воды» — отголосок воспоминаний самого Тургенева, что его повесть рассказывает о пережитом им самим в том же Франкфурте; мы знаем его произведение и письма, где отражена та же безнадельность и сознание своей ненужности. Но есть одно различие: оно не бросается в глаза, но оно пропалает лежит между «вьям и злобным» пресыщением Санина и тоской Тургенева. Санин в конце своей жизни в самом деле никому не нужен, а Тургенев и теперь нужен миллионам. Из западного воспоминания и покаяния Санина не вышло ничего, а Тургенев написал «Вешние воды». Санин, как сообщают последние строки повести, «в течение тридцати лет, протекших со времени его первого пребывания во Франкфурте, он успел набить значительное состояние»: таков его жизненный итог. Тургенев за эти годы успел всего лишь стать великим писателем — и не потому только, что был талантливым, но и потому, что отдал себя на служение своему таланту.

Бесконечные сомнения, неутомимая тоска бесплодна, а Тургенев — создатель целых миров. Зачем жалеть, что не можешь быть Дон-Кихотом, когда можешь быть Тургеневым.

И не к безвольному сомнению зовут и ведут нас его произведения, а к творческому действию. Все изменилось вокруг них и в них самих. По-иному звучат они, по-иному вычитываются в них новая молодежь, бодрая, крепкая, деловая, — не только художественное наследие для часов досуга найдет она у старого художника, но только познание прошлого, обновите в памяти эти ласковые слова: «Играйте, веселитесь, растите, молодые силы... жизнь у вас впереди, и вам легче будет жить, вам не придется, как нам, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о том, как бы уцелеть — а сколько из нас не уцелело! — а вам надобно было делать, работать, — и благополучие нашего брата старика будет с вами».

Вдумайтесь, вдумайтесь, осмыслите каждое слово: это не ранний старик Лавренко размышлявший барачам — это вечно юный Тургенев шлет привет нашей сегодняшней молодежи, ее призывает своими творениями к труду и к полноте.

А. ГОРНФЕЛЬД

Литературное наследие И. С. Тургенева

Фонд литературного наследия И. С. Тургенева, хранящийся в Государственном литературном музее, состоит из нескольких тысяч листов рукописей и писем. Здесь имеются рукописи драматургических произведений И. С. Тургенева — «Нахлебник» и «Месяц в деревне», черновой отрывок «Бежания луга» и большой рассказ «Поездка в Польшу».

В музее хранятся вырезанные из журнала «Вестник Европы» страницы с «Вешними водами», где рукой И. С. Тургенева сделан много поправок.

В фонде И. С. Тургенева более 700 писем, из которых около 400 не опубликованы. Впервые они будут опубликованы в одном из ближайших номеров «Летописи Гослитмузея».

Хранившиеся в музее эпистолярное наследие писателя включает также значительные в историко-литературном отношении документы, как 36 писем писателю П. В. Анненкову за 1853—1872 гг., 9 писем к А. А. Фету за 1858—1878 гг., 12 писем к А. В. Дружинину за 1856—1862 гг., письма к

В. Г. Белинскому, И. А. Гончарову и Я. П. Полонскому.

315 писем писателя к своей дочери Полине были в свое время приобретены в Париже у вытчи писателя Жанны Тургеневой. Письма эти были только частично опубликованы во французских изданиях.

Фонд И. С. Тургенева в Гослитмузее беспрерывно пополняется. В последнее время музей приобрел 2 письма писателя к сестре М. Бакунина — Т. А. Бакуниной, письмо к поэту М. И. Михайлову и к известному французскому революционеру писателю Жюль Валлесу. Письмо это, датированное 1877 годом, приглашает Валлеса принять участие в выходящем непродолжительное время журнале «Слова».

Недавно Гослитмузей приобрел тургеневское стихотворение «Проклет», написанное в 1876 году, накануне русско-турецкой войны. Стихи носят злободневный политический характер и направлены против Англии, попустительствующей расправе турок с болгарами.

А. РОСКИН

Драматургия Тургенева

В своей статье «О драме» Александр Блок стремился представить историю русской драматургии как историю случайностей.

Случаев для Блока был Грибодов: «Увидел сон — и написал гениальнейшую русскую драму».

Случаев был Сухово-Кобылин, который «привлекает внимание внезапно, одной негаданной чертой».

И наконец, Блок «случайная драматическая техника Чехова».

Блок говорил о случайностях. Но следовало говорить совсем о другом — о малой изученности русской драматургии, об отсутствии полной картины ее развития.

Не раз исследователи возвращались к влиянию Мольера на Грибодова, Шекспира — на Пушкина, Бомарше — на Сухово-Кобылина.

Но внутренняя линия развития русской драматургии прослежена плохо. И вот почему, обобщая в истории русской драмы, Блок верно сказал об историках русской драмы, отметив неадекватность и случайность рассуждений о драме в России.

Сам Блок в другой своей работе, набравшая общую схему развития русской драматургии, упомянул Фонвизина и Сумарокова, Пушкина и Гоголя, Островского, Сухово-Кобылина и Алексея Толстого, но не упомянул Тургенева.

Так «расхождение» о драме в России пополнились еще одной случайностью.

Правда, по отношению к драматургии Тургенева эта случайность — в сущности, традиция.

бам г-д издателей, желавших напечатать мои сочинения в возможной полноте, если бы я не думал, что письма мои, неудовлетворительные на сцене, могут представить некоторый интерес в чтении».

Но проницательный критик Тургенев на этот раз ошибся.

«Неудовлетворительные на сцене письма, в самом деле, при жизни Тургенева быстро сходились с репертуара, не только одержали поже ряд театральных побед, но — что гораздо важнее — создали новые критерии в драматургии».

Очень верно и очень метко писал Тургенев о той драме, в которой тексты ролей похожи на «свитки со словами, выходящие изо рта фигур на средневековых картинах».

Искусство писать для театра знает немного имен драматургов, которые владели бы тайной естественной спелнической речи так, как владел ею Тургенев. Каждое слово в тургеневской пьесе нужно автору для раскрытия внешнего или, еще чаще, внутреннего движения, и вместе с тем каждое это слово как бы исходит из самой души героя. Житейское правополобие подчинено в тургеневских пьесах большой жизненной правде, но эта большая жизненная правда нигде не искажает житейского правополобия.

Молодой Стендаль, готовясь стать драматургом, собирался у Гольдони «изучать естественное». Но «изучать естественное» драматургии нашего времени могли бы у Тургенева.

Эта естественность сочетается у Тургенева с чувством жизненной полноты.

«Мы очень хорошо знаем, каков Хлестаков за сценой», — заметал Тургенев. Персонажи тургеневских пьес — это люди с вписанной жизнью. Драматические миниатюры и лирические сцены Тургенев заполнял чувством жизненной

полноты. О своих персонажах Тургенев знает многое, знает все, и это знание он умеет донести до зрителя или читателя с помощью сжатого, лишнего всякой напряженности диалога. Помешана Каурова или чиновник Ступеньев живут и за кулисами.

Творчество Тургенева-драматурга у нас также исследовалось преимущественно с точки зрения западных влияний.

В своей книге «Театр Тургенева» Леонид Гроссман посвящает отдельные главы влиянию на Тургенева Мериме, Мюссе, Скриба, Бальзака, Лабреттисов Мельяка и Галевы и даже — предположительно — второстепенного немецкого драматурга Карла Мальца, но лишь буквально несколько строк уделяет русским предшественникам и последователям Тургенева-драматурга — гоголевской струе в тургеневских пьесах и тургеневской струе в пьесах Чехова.

А вель Чехов — это такой ученик, который заменяет целую школу.

Связь чеховской драматургии с драматургией Тургенева шире и глубже, чем это принято думать.

Дело не в общей лирической тональности. И не в том, что отдельные ситуации в «Дале Ване» напоминают о «Месяце в деревне». И не в том, что сцена чтения чеховским Тригориним Молапаса похожа на сцену чтения тургеневским Раскитиним Дюма, что Вафия какими-то чертами восходит к Кузовкину, что веселая путаница «Юбилей» сходна с высоким комизмом «Завтрака у предводителя».

Слово «подтекст», кажется, введено Станиславским, самое же понятие подтекста для нас связано с драматургией Чехова.

«Здесь все намек, все неговоренность, ни одно слово не говорится в прямом и

совершенно истинном его значении, но так, что о смысле его — другом, не наружном — надо догадываться».

Казаюсь, что строки эти, принадлежащие одному из видных дореволюционных театральных критиков, прямо относятся к драматургии Чехова. Но писались они не о Чехове, а о Тургеневе — о «Вечере в Сорренто».

Конечно, нет драмы без подтекста, ибо драматургическое искусство не заключается только в умении чередовать диалоги и монологи. Истинная драма всегда имеет подтекст. Но вверные, подтекст, как чувство и мысль, претворенные в поэзию, был осознан не Чеховым, а Тургеневым.

Притом у Тургенева неговоренность текста сочетается с удивительной ясностью подтекста. Неговоренность текста нужна Тургеневу, чтобы облегчить актеру более четко обрисовать внутренний психологический рисунок роли. Исток этой неговоренности — не «шершавость чувства жизни, а его полнота».

И в этом — высокая театральность Тургенева, далеко еще не оцененная.

Тургеневскую полноту жизненного чувства, выраженную новыми в драматургии средствами поэтического языка, и воспринял у Тургенева Чехов.

Но так же, как неправильно и поверхностно определение чеховской драмы как «драмы настроений», так же неправильно и поверхностно определение тургеневской драмы как «интимной психологической драмы».

«...иногда мы с вами разговариваем, точно кружева плетем... А вы видите, как кружево плетут? В душевных комнатах, не двигаясь с места...»

Так говорит Наталия Петровна в «Месяце в деревне».

Были критики, которые не видели в тургеневской драматургии ничего кроме плетения кружев в душевных комнатах.

трагических чувств. Драматургия Тургенева — это «Где тонко, там и рвется», но это и «Нахлебник» — пьеса жесткая, с верой и беспощадной, заключающая в себе и обличительную силу «Грозы» и высокую человечность «Живого трупа».

Тургенев хорошо знал разницу между «истинностью» героев и «торжественностью художественной правды», превращающей эту истинность в глубокий, обобщающий образ. «Нахлебник» был этим торжественной правды.

«Главная наша цель — проявления русского искусства. Пути, по которым мы надемся пойти до этого, искренность и простота».

Так определил В. И. Немирович-Данченко творческие задачи Художественного театра в пору работы над драматургией Тургенева.

Поставив «Месяц в деревне», Художественный театр реабилитировал Тургенева-драматурга так, как в свое время, поставив «Чайку», Художественный театр реабилитировал Чехова. Вернув на сцену Тургенева, Художественный театр сам обогатил свое мастерство. В ранних чеховских постановках Художественный театр еще не был свободен от натуралистических увлечений. Тот стиль облагоустроенного реализма, который искал Художественный театр, была для театра единственно верным путем в русским классикам — театр нашел в тургеневских спектаклях.

Постановки Тургенева Станиславский называл трудной сценической задачей: «Ее не выполнит ни жестами, ни игрой рук и ног, ни актерскими приемами представляется. Нужны какие-то невидимые излучения творческой воли и чувства, нужны глаза, мимика, едва уловимая интонация голоса, психологические паузы».

Замечательно, что эти строки Станиславского о драматургии Тургенева почти полностью совпадают с тем, что писал Чехов о природе театрального искусства:

«Отрадания выражать надо так, как они выражаются в жизни, то-есть не ногами,

не руками, а тоном, взглядом; не жестикацией, а грацией».

Тургенев сократил ремарки в пьесах, не веря в театральное будущее своей драматургии и предназначая ее только читателям.

В этом заключается любопытнейший парадокс творчества Тургенева-драматурга: стремясь своим пьесам придать форму пьес для чтения, освобождая их от лишней мелких сценических движений, Тургенев на самом деле достигал обратного результата — не ослабевая, а усиления внутренней сценичности, очищения драмы от внешних эффектов.

Художественный театр, ставя Тургенева, проявил в этом отношении великодушную чуткость. Он не восстанавливал вычеркнутые автором внешние подробности, а ринулся на полное упразднение режиссерских мизансцен. Они в самом деле оказались почти ненужными, — таким внутренним движением обладает слово Тургенева-драматурга.

Жалко, что Художественный театр после Тургенева не возвращался более к Чехову, не пересматривал чеховских постановок. Опыт извлеченный театром из драматургии Тургенева, придал бы чеховским спектаклям новую сдержанность тона и ясность линии, о которой всегда мечтал сам Чехов.

Но, конечно, еще более следует сожалеть о том, что пьесы самого Тургенева исчезли из репертуара советского театра.

У нас слишком охотно и слишком нескромно испещряют русских классиков, превращая живой мир романов в мертвые сценарии, и слишком нехотно обращаются к драматургии этих классиков, поочередно зачехляя в разряд неспелнической, Советский театр должен вспомнить и о «спелническом» Тургеневе, о тургеневских пьесах, представляющих которых когда-то, по словам Некрасова, «были торжеством Шекспира» и совсем еще недавно — торжеством Станиславского.

СЛУЧАЙ НА АЛДАНЕ

Редакция «Литературного критика» получает письма, авторы которых жалуются на несправедливое отношение к ним...

тому советской литературы. Никаких «скрипов» здесь не может быть на «районный масштаб».

истощенный от голода золотискатель вступил в единоборство с следователем по его стопам...

«Сары-бай спешит за счастьем, А его догнало горе. Копь лихой упал, споткнулся, Совершилась воля рока...

«Ты пройди всю ширь степную, Побывай в любом ауле, Распроси ты всех приезжих...

Детидат выпускает книгу казахского народного эпоса «Сказание о Козы-Корпече и Баян-Слау».

Мих. ЛОСКУТОВ

ИСКАТЕЛЬ РУДЫ

Люди приходят в литературу от городов и полей, как в круг пугникового кусту.

них листьях, о тишине. — о той легкой красоте, которая касается нашего сердца...

жарятся огни заводов. Во всем этом жизнь героев проходит как сюжетная повесть...

Пришел человек с котомкой за плечами. Сказали: это наверно краевед, этнограф...

И прежде всего книжки и жизнь Всеволода Лебедева указывают, что в литературу можно прийти отовсюду...

Эти книги — огромного мужества и напряженности; в них литературная ткань гораздо выше, чем во многих беллетристических книгах...

В 1919—1920 годах, в городе Слободском, близ Вятки, в заброшенном помещицком строении...

Так возник из краеведа писатель. Первые его книжки еще стоят под рубрикой «Краеведение».

Полубезумный искатель золота бродит по лесам с «планом», взятым с трупа тигра.

В это время за зеленым сукном «научного общества» заседали выцветшие старички-коллекционеры.

Лебедев удивительно тепло рисует образы людей, мягкость нравов, обычай племен, отпущенных в жестокой исторической борьбе...

И вот оживает завод, загораются фари над проходной буфкой, они отражаются в реке, зарекается железо...

И что же, молодой человек покинул эти холодные комнаты музея, забросил краеведение, стал летчиком или инженером?

Он — прежде всего работник, труженик, этот писатель, пришедший из музея, из среды так называемых культурных работников...

«Дал еще забыл, — говорит штейгер писателю. — тот атаман — ну, с которым сидел я, который за гривенник сидел...»

И вот спустя тринадцать лет он выпустил свой труд. Но труд этот совсем не походил на костяные «описания».

Эта внимательность, с которой писатель относился к миру, прежде всего отличает и две новые его книги: «Товарищи» и «Мастера».

Да, читатель спросит, обязательно спросит, что случилось с теми людьми. Но никто им того не скажет...

«Все это меня очень волнует, — пишет Е. Зимины, — ибо я пишу много, работаю ежедневно, хотя это очень трудно».

Если выправить то, что написала Зимины, если выправить слабую и фальшивую спенку повествования...

В повести Лондона этот эпизод органичен, он завершает рассказ о человеке-огоньке, борющемся за свое существование...

Совершенно правильно! Рассказ Дора никак не может служить примерным образцом. Если говорить о нем как об образце, то это образец того, как надо писать рассказы.

А Дор отклоняет рассказ за то, что описывается в нем факты «мелочны», и за то, что «совершенно не показано влияние на героя коллектива».

По поводу именно этого полнитоно «мелкий случай» показались Дору значительными (как никак — «Рассказ партизана»), и рассказ печатается со всеми пороками, присутствующими его стилю и содержанию.

Управляющий прииском заявляет забойщику Алексею Кузьмину, что тот назначен сменным мастером.

Мы ознакомились с Дором как писателем и как с завсегдатаем литературного отдела, отклонившим рукопись. Остается еще озабочиться с его редакторской деятельностью.

Обо всем этом можно было бы написать в частном письме-ответе Зимины. Но случай такой, что он имеет принципиальное значение.

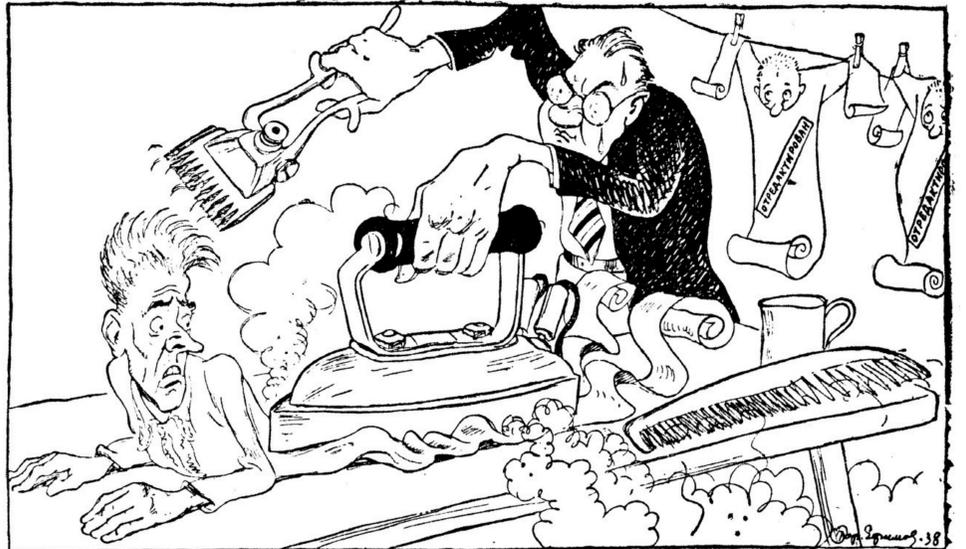
«Теперь каждый час кубки давался сверхпланово...»

Что и говорить! Тема роста человека и нового отношения к труду весьма актуальна.

Человек зарылся в волды. Об этом писал Джек Лондон в повести «Любовь к жизни».

В ПОТЕЛЦА...

Рис. Бор. Ефимова.

РЕДАКТОР-ПЕРЕСТРАХОВЩИК: — Еще немножечко подстричь, чуть-чуть причесать, слегка пригладить, и автор может предстать перед читателем.

ОБСУЖДАЕМ ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН ГОСЛИТИЗДАТА

АНКЕТА «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

П. Павленко

Больше оборонной литературы

Издательство «Художественная литература» может и — мне кажется — должно само предлагать писателю темы, в которых ощущается необходимость, примерно так, как это делает Комитет по делам кинематографии, заказывая сценарии. Такая организация работы в издательстве может способствовать созданию исторических оборонных произведений.

Трудоёмкость архивного материала, ежедневная потребность в консультациях военных специалистов и отсутствие воем такой консультации затрудняют появление необходимых книг.

Писатели-оборонники давно мечтают о книге «Великие русские битвы». Такая книга из 7—10 очерков, хроник или исторических повестей о Невском, Чудском, Куликовском, Полтавском боях, о взятии русскими войсками Берлина, о Севастопольской обороне — сравнительно легко могла бы быть написана тремя или четырьмя авторами, будь какой-нибудь редакционный угол, где они могли бы заказать архивные материалы, встретиться с историками военного искусства, обменяться с ними мнениями о стиле книги.

Давно нужны повести о великих русских полководцах, нужны книги о Героях Советского Союза, наконец, книги о героях гражданской войны.

Мне думается, что жизнь приготовила уже для издания и книгу о столкновении с самураями на озере Хасан. Записи, дневники и рассказы участников этой героической эпопеи могли бы составить том увлекательный, правдивый и очень актуальный.

В плане Гослитиздата нет ничего о героическом прошлом русского флота. Между тем есть писатели, которые охотно взялись бы за исторические хроники или повести о славных морских сражениях нашего народа.

Р. Фраерман

Кривое зеркало литературной действительности

Кто виноват в том, что любимых и нужнейших читателю книг нет? Думаю, что большая доля вины тут кроется в том безразличии к литературе, которое часто характеризует издательские планы. Это влияет не только на отбор книг для издания и переиздания, но и на установление тиражей. Гослитиздат при выпуске книг художественной литературы оперирует большей частью весьма средними тиражами, вне зависимости от того, правится книга читателю или нет.

Гослитиздат, конечно, убежден в том, что он хорошо знает вкус читателя, потому что раз в год создает московские библиотечкарей и печатает на книгах призывы к читателю сообщить свое мнение. Я не верю, чтобы эти призывы давали какой-нибудь результат, тем более, что читатель хорошо знает, что дальше издательской канцелярии голос его не доходит. Книга и писатель должны проверяться через библиотеку. Нужно почаще, периодически собирать библиотечкарей и серьезно изучать вкусы читателей; библиотечкарей их хорошо знают.

С Кирсанов

Мои пожелания

Тематические планы Гослитиздата плохи тем, что они из года в год продолжают скверную традицию распределения количества листов между различными поэтами вместо того, чтобы реально учитывать, что может принести поэт в издательство.

Гослитиздат любит издавать «солднине» труды поэтов, а с тонкими книжками возиться не хочет. А было бы очень хорошо печатать стихи отдельными брошюрами, циклами, не гоняясь за толщиной и кажущейся солидностью.

Тут уместно вспомнить слова Маяковского:

«Меня ж печатают прозу летучим дождем брошюр».

Какие книги надо выпускать в 1939 году?

По-моему, необходимо издать библиотеку новиков советской поэзии в виде брошюр, в которых будут напечатаны только певные стихотворения поэтов без сомнения плохих.

Крайне важно для советского поэтического движения издавать журнал советской поэзии, в котором могли бы найти место стихи, поэмы и специальные работы по вопросам поэзии. Такой журнал мог бы стать центром выдвижения всего молодого и талантливого в поэзии, местом творческих дискуссий.

Гослитиздат совершенно забыл о выпуске классической и современной западноевропейской и американской поэзии. Это могло бы быть для наших поэтов серьезной школой стиха. Хотелось бы видеть в будущем году полное Швевенко, заново переведенного советскими поэтами.

Желательно в 1939 году свести до минимума практику издания стихотворений «кампапейских» сборников. В них стихи подбираются по принципу тематика, а не качества внимания не обращают.

Да слова об оформлении книг. Обычно тонкие стихи издаются в виде карманных книжечек. Неизвестно, кем установлен этот стандартный стиль «а-ля-миниатор». Издательству надо проявить больше изобретательности и вкуса и выпускать стихи в лучшем оформлении.

С. НАГОРНЫЙ

Концерт Ильинского

Сюда, в Сталино, приехал Игорь Ильинский, и сегодня его концерт.

В вестибюле гостиницы «Донбасс» он разговаривает с несколькими знакомыми актерами из Театра революции...

В последний раз жители города Сталино видели его в фильме «Волга — Волга». Он был в «стихохоевских галлифидшах», как назвал Маяковский эти фантастические штаны, закрученные бюрократы и землесуров. На нем была рубашка с неисчислимыми пуговицами, краги бутылкой, и в руке — портфель. Костюм его должен был вызывать трепет и робкое почтение. Гражданин Вызалов жестулировал, — казалось, он мнит себя едва ли не полководцем. Он произносил речь. Приветствовал — сияющею и благожелательно. Наконец — грозил...

А зритель в темноте зала смеется. В тысячный раз показывали бюрократ, и все же Ильинский был в этой роли самобытным и никого не повторял, разве только Присыкина, которого когда-то сыграл тот же Ильинский. В конце концов Вызалов можно было изобразить чудачком, бездельником, добродушным маленьким человеком. Но Ильинский играл Вызалова так, словно у него с ним лавине счеты. Можно сказать, что он играл его жестко, зло. Так некогда он играл ничтожного и гадящего Расплюева. Это не юмор, это — сатирическое приращение...

В костюме Вызалова Ильинский казался более грузным, квадратным, чем сейчас, когда он приятельски беседует с актерами, случайно встретившимися с ним на перекрестке дорог в Сталино, в го-

И. Ильинский

стинии «Донбасс». Ильинский выглядит значительно моложе своих лет. Только седина неуловима. Против нее не помогают ни тени, ни режим спортсмена...

Через час Ильинский зовет на извешный помост, где стояли роль и студи, — больше ничего не было, ни паду, ни кулис, ни даже занавеса. Помост вышину в полметра, площадку не больше платформы пятнички, сильный свет, со всех сторон устремленный в центр по-

За исторический роман!

Г. Шторм

Еще в 1931 году М. Горький указывал, что «задачи Государственного издательства — задачи социально-воспитательные», что «книги должны издаваться по строго выработанному плану».

Но как составить тематический план, чтобы издательство могло выполнить эти важнейшие социально-воспитательные задачи?

Путь единственный — издательство должно активно участвовать в составлении творческих планов писателя, должно иногда и подсказывать ему тему книги. Тогда издательство станет организатором необходимых народу боевых художественных произведений.

В тематический план Гослитиздата на 1939 год в разделе исторической литературы я предлагаю ввести сборник рассказов о забытых или мало известных героях народов СССР. Такая книга остро необходи-

ма советскому читателю. И здесь Гослитиздат может и должен проявить инициативу: организовать авторский коллектив и помочь ему в краткий срок написать такую книгу.

На таких же началах должна быть написана книга рассказов по русской военной истории.

Выбор исторического героя — дело ответственное. Гослитиздат должен помочь писателю, подсказать ему имена исторических лиц и событий, художественное изображение которых может и должно стать средством воспитания советской молодежи. До сего времени Гослитиздат этого не делал. Сейчас он это сделать должен, чтобы дать книгу о важнейших в русской истории победоносных сражениях.

Как ни странно, у нас нет полновесных исторических романов о таких исторических героях, как Богдан Хмельницкий и Пугачев.

Е. Гальперина

Своевременно выпускать книги

Тематический план Гослитиздата на 1939 год в части иностранной литературы составлен не так уж плохо. В перечне книг, намеченных к изданию, названо почти все, что стоит выпустить на русском языке. Если в плане забыты или пропущены три-четыре названия, то в порядке товарищеской помощи следует просто напомнить о них.

Не с этой точки зрения надо критиковать Гослитиздат. Плохо другое. План Гослитиздата не внушает большого доверия как реальная программа действий издательства.

Первое, что внушает сомнение, — это самый стиль Гослитиздата. Это громадная бюрократическая машина, не способная налить все званья своего аппарата так, чтобы они работали дружно и согласованно. Даже если редакция Гослитиздата работает безукоризненно, все сводится наперед неповоротливостью производственного сектора. Это видно и на издании периодики, где каждая книга журнала имеет свой четкий график производственных процессов. И здесь сказывается неоперативность производственного сектора, по вине которого почти все номера журналов выходят с большим опозданием.

И если оптимистически допустить, что тематический план не будет трижды сокращен и к концу первого полугодия 1939 года окажется реализованным редакцией, то все же нет уверенности, что все названные в плане книги попадут к читателю в 1939 году, а не задержатся в производстве до 40-х годов.

Редакция не требует графика производственных процессов для своих книг, не борется за сроки их выпуска, и тем самым они берут на себя большую часть ответственности за то, что ежегодно выпускаются издания откладываются «на будущий год». При составлении плана надо учесть эту практику, надо не механически перечислять в алфавитном порядке авторов и названия книг, а важно установить очередность их выпуска.

Второе, что бросается в глаза при чтении плана, — это полное отсутствие дифференциации тиражей. Все без исключения произведение произведения редакция иностранной литературы собирается выпустить 10-тысячным тиражом. В этом скрывается недопустимо механический подход к литературному произведению, к автору, к читателю. Почему, например, не издать «Труд» Ворса или «Джорданстаун» Жозефина Джонсона 5-тысячным тиражом, получив тем самым возможность издать такую интересную книгу, как «Дневники Гонкуров», которые сейчас совершенно неоправданно исключены из плана классических изданий?

Уравниловка в тиражах вредна. С этой точки зрения надо пересмотреть план и за счет уменьшения тиража одних книг увеличить тиражи других и внести в план новые названия.

Большое количество книг Гослитиздат

выпускает в серии «Всемирная библиотека» тиражом 25 тыс. экземпляров. Большой тираж изданий требует особенно тщательного отбора книг для этой серии. Но как раз здесь мы встречаем ряд названий, от выпуска которых именно в этой серии можно было бы без труда отказаться. Например, книги Луи Гийу, Жана Фревалля, Адама Шарера, вошедшие в основной план редакции иностранной литературы, могли бы быть исключены из этой серии; книгу Жюльет «Пари» следовало бы вообще выпустить в Детиздате.

Кстати, из плана не ясно, в каком виде будет существовать, вошедшая в Гослитиздат «Всемирная библиотека»: останется ли она самостоятельной редакцией или станет одной из серий редакции иностранной литературы. Разумеется, существование в одном издательстве двух параллельных, дублирующих друг друга редакций непоследовательно. Но если в результате слияния редакция «Всемирной библиотеки» утратит свою оперативность и начнет двигаться черепашьими темпами Гослитиздата, то читателям придется искренно пожалеть о потере этой редакцией своей самостоятельности.

Парнишка, подталкиваемый саади, приблизился к крыльцу, не решаясь, однако, войти на него. Офицер сбегал по ступенькам, схватил его за худые вдрогивающие плечи и, притянув к себе, устоялся в его круглые от ужаса глаза своими — пронзительными и страшными.

В государственном издательстве «Художественная литература» выпущены книги «Разгром» А. Фадеева с иллюстрациями художника Дехтерева. На сцене — иллюстрация из главы «Метелица».

Бюрократический документ

На заседании президиума союза советских писателей 3 августа обсуждался тематический план на 1939 год издательства «Советский писатель».

Все ошибки в работе издательства нашли свое яркое выражение в этом бюрократическом документе. Вместо большой политической программы, определяющей лицо издательства, директор Я. Рудой представил длинный перечень произведений весьма сомнительных авторов. Директор сам не имеет представления о литературных качествах заглавленных им к изданию романов и повестей! Доклад о плане скорее напоминает бухгалтерский отчет о работе какой-то кустарной артели, чем доклад о творческих замыслах издательства, его программе воспитания новых молодых литераторов, его роли и участия в общем развитии советской литературы.

Директор издательства Я. Рудой разместил творчество писателей по полочкам, отдал теме социалистического строительства 24 проц., гражданской войне — 9 проц., транспорту — 2 проц. и чуть ли не копейку какой-то процент будущих литературно-художественных произведений.

У нас охвачены (?) все отрасли хозяйства, — заявил с гордостью Я. Рудой. Но какой толк от такого «охвата»? Что приобретет в результате этого «охвата» советский читатель, наша литература? Будут ли эти книги воспитывать много-миллионного советского читателя, учить его жить, творить и бороться? Этого Я. Рудой не знает, этим вопросом он даже не интересовался.

Директор издательства со всей убедительностью доказал свою полную некомпетентность ни в вопросах литературы, ни в технике издательского дела. Он, например, пытался уверить президиум, что выполнение тематического плана будущего года почти полностью обеспечено, т. е. издательство имеет... договоры на 170 произведений из 250 запланированных. Но разве договор на еще неплативное произведение гарантирует его добросовестность? Однако даже этой простой истины, которую Я. Рудой должен был бы постигнуть на опыте работы «Советского писателя», выплывавшего не один десяток тысяч рублей по невыполненным договорам, — он не усвоил. На заданный вопрос: «Сколько издательство имеет рукописей в обеспечении плана?» — ответил от руководителя издательства не последовало.

План «Советского писателя», как об этом сообщила президиуму работница издательства гг. Павлов, Колтунова и Иванова, разработан самим директором, не одобрен в коллективе, и вариант, представленный на президиум, не известен даже заведующим секторами.

Выступившие в прениях гг. М. Левин, А. Зуб и А. Сурков указывали на основной порок плана — он оперирует несуществующими произведениями. Работа издательства базируется на самотеке. 75 проц. запланированных произведений в лучшем случае еще только задуманы авторами, а издательство под эти заявки уже планирует и бумагу и тиражи.

Поэтический раздел плана, — говорит А. Сурков, — не ориентирует на действительное положение дел в поэзии. Запланированы, например, поэма С. Кирсанова «Полос». Почему? Когда эту поэму напишет автор? Известно, что Кирсанов работает над циклом лирических стихов.

И. Сельвинский работает над драматургическим произведением, а план предусматривает выпуск книги его лирических стихов.

В. Герасимова подвергает детальному разбору весь перечень фамилий и названий произведений, приведенных в плане, и приходит к выводу, что большинство авторов — далеко не молодые литераторы, какими их пытался представить Я. Рудой. Все они уже много лет пишут, издают серьезные, ничем не примечательные книжонки, но ходят в литературе под видом «молодых», «начинающих», «обещающих». Планировать издание еще не написанных ими произведений, это значит нанести ущерб и советской литературе и авторам.

— Но они претендуют на издание, — подает реплику Я. Рудой.

Это восклицание лучше всего характеризует работу «Советского писателя», о которой подробно говорит А. Фадеев.

— Возрут издательства группируются тихие, серые люди, перешагнувшие по на-

следствию из «Московского писателя». Издательство для них — такая пристань, где безмятежно можно прожить долгие годы. Аппарат же и, главным образом, его редакторы — тоже писатели весьма посредственные, зачастую лишенные вкуса, тонкого понимания стиля и языка. Что же удивительного, что ярая талантливая рукопись зачастую пугает этих серых ребят? Авторы и политики неравнодушны. Сколько заброковано хороших, талантливых рукописей. Яким примером может служить рукопись Макарова-Заречеша. Редакторы «Советского писателя» отвергли эту рукопись. Только невежлив, перестраховщик и злой, равнодушный к литературе, мог изобрести книгу т. Клод.

— Что должен был предпринять новый директор издательства Я. Рудой? — спрашивает А. Фадеев. — Он должен был привлечь к работе издательства квалифицированных авторитетных писателей. Президиум союза учредил для этого редакционный совет. Но директор Я. Рудой с первых же шагов оттолкнул этих писателей от издательства, а уезжая в отпуск, даже запретил созывать редакционный совет.

Отсюда и все ошибки нового тематического плана. В нем нет ни одного яркого, талантливого произведения.

Аналогичную оценку плана дает И. Ю. Соболев. Он считает, что план должен быть отвергнут и вновь составлен при самом активном участии писателей.

— Нельзя строить план, — говорит он, — только по договорам, кем-то ошибочно заключенным. Сделана ошибка. Но нельзя допустить, чтобы делала и другую ошибку — выпускали плохие произведения. Договорный портфель надо пересмотреть. Пусть лучше издательство потерит материальный ущерб, нежели окончательно покорит свой политический и литературный престиж.

Особой резкой критике была подвергнута тиражная политика издательства. Ю. Соболев указал на недопустимость выпуска книг тиражом в 3 — 5 тыс. экземпляров.

— Если книга плоха, — говорит он, — то нельзя выпускать ее даже тиражом в 100 экземпляров. Если же книга представляет интерес, то преступно выпускать ее в таком мизерном количестве.

Этой же точки зрения придерживается и С. Лозовский, заявивший, что Гослитиздат, перерабатывая свой тематический план, отказался от такой системы.

— Существует вредная теория, — говорит С. Лозовский, — что бумажные ресурсы лимитируют тиражи. Это в корне неверно. Тираж устанавливали редакторы в зависимости от личных симпатий к тому или другому литературно-художественному произведению. Плохие книги поглотили сотни тонн бумаги, которые могли бы быть израсходованы на повышение тиражей хороших книг. Тираж книги — это не вопрос техники, не вопрос наличия бумаги, а политический вопрос, который должен решаться коллективно при активном участии самих писателей.

— Гослитиздат, став на такую точку зрения, — говорит С. Лозовский, — строит свой план на резком уменьшении выпуска книг массовыми тиражами. Мы за планировали на 1939 год выпуск около 200 тысяч экземпляров, издание массовыми тиражами небольших книжек типа «Универсальной библиотеки» поной от 10 к. до 1 рубля. Увеличения тиражей мы любимее не за счет сокращения изданий скучных, неинтересных книг.

С. Лозовский считает, что необходимо устранить параллелизм в работе издательства. Нельзя допускать, чтобы одна и та же книга издавалась и Гослитиздатом и «Советским писателем». Пусть в большем тираже книга выпускает одно издательство. Это значительно сократит расходы и снизит стоимость книги.

Президиум союза советских писателей отклонил представленный «Советским писателем» проект тематического плана на 1939 год, как немотивированный и составленный по случайным заявкам писателей.

Редакционному совету поручено срочно пересмотреть договорный портфель издательства и разработать новый тематический план на 1939 год.

нение. Он объявил: «Сказка о золотом петушке», и мы увидели на пустом помосте пузатые и расписные терема, мы увидели царя Дадона, такого натурального и так хорошо нарисованного. Потом Ильинский играл труса из чеховского рассказа «Пересялка». Трусася, на ухабах телега, та самая телега, у которой «не разберешь, где у нее зад, где перед...», была ночь, темная, морозная. И землемор Глеб Гаврилович Смирнов, мученически перенося тряску, стуча зубами от страха, горюл чорт знает какую чепуху о разбойниках, о ревельерах, об урялниках, которые «ведет по дороге за кустиками понатыканы».

Еще он представлял крыловскую москву, тянущуюю на слона, а также хаврюню из басни «Свиная».

Удивительный мимист, он делал нечто необыкновенное, чудесное. Это было как в мультипликационном фильме: половина лица еще принадлежит Ильинскому, а другая — уже кошачья. Вдруг оказывается, что у артиста еще вытравлена челюсть — широкая, тяжелая, грубая. Она появляется лишь на одну минуту — актер произносит несколько слов, принадлежащих жирному и туному животному.

Десять произведений, исполненных за один вечер, десять спектаклей, разыгранных на пустом помосте без грима и музыки, без партнера и декораций. Целая галерея типов, серия законченных портретов, которые, быть может, навсегда запомнятся зрителю.

«Долой искренность!» — вот лозунг, украшавший некую театральную колесницу, в которой много лет привязывали Ильинского. Не было связи более случайной и иллюзорной, чем та, которая соединяла актера Ильинского с идеями формалистского театра. Давно-давно, рассказывая о своей работе в Первом театре для детей (он играл там в пьесе «Маугли» воспитательного медведя Балу), Ильинский

говорил: «Что мне дала работа в детском театре? Первое: с тех пор — играю ли я на сцене, выступаю ли на астрале, снимаюсь ли в кино — я всегда работаю только для той части зрителей, которые сохранили непосредственность восприятия. И второе: как актер, я всегда стремлюсь дать своему зрителю искусство, произведение предельной искренностью и детской непосредственностью».

Ни в кино, ни в театре реализм игры Ильинского не проявляется так ясно, как на астрале. И в то же время он на астрале — во всеоружии своей блестящей техники. Зритель не знает, какая большая работа предшествует исполнению даже самой маленькой басни. Зритель видит, что актер смело и нетесенно играет, он видит непринужденность и непосредственность исполнения. Между тем строгий художник запретил себе раз и навсегда импровизировать. У маленькой пьески, которую разыгрывает актер, читая стихов Маршак или рассказ Чехова, есть подробная партитура. Автор ее — Ильинский.

Мы говорили с Ильинским о жанре художественного чтеца. Оказывается, здесь многое спорно.

— Нужи ли на астрале такие чтецы, которые стараются спрятать себя за авторский текст? Это сомнительно. Что получает зритель от такого чтения дополнения, сверх того, что он сам найдет у писателя? Пушкин не возмущается в громкоговорителе, — говорил Ильинский. — Чтец есть актер, а не звучный шприфт, которым набран авторский текст. Я хочу быть для аудитории не диктором, а переводчиком. Перевожу я с литературного языка на сценический язык.

— Однако чем же тогда объяснить успех у публики чтецов, которые придерживаются манеры так называемого литературного чтеца? Они не играют, не испускают...

— Они, конечно, играют... Но играют

они мало. Представьте себе — поэт сочинил стихотворение. Он воспользовался для этого рядом приемов, присущих поэтическому творчеству, — создал ритм, рифмы, словами нарисовал образ. Теперь приходит актер. Он хочет прочитать стихотворение. Он вздумывается в него, переживает. «Душа» поэта, которая вошла в стихи, стала теперь уже и «душой» актера. Он выходит на сцену. Здесь он должен воспользоваться своими средствами выражения, такими приемами, которых нет у поэта. Это приемы актерской игры. Они и дают то дополнительное, что получает зритель, когда смотрит на исполнении артиста знакомого, быть может с детства, произведения.

— Что привлекает вас на астрале? — На это можно ответить так: привлекает меня на астрале большая ответственность. Тут никуда не спрячешься. Это разговор со зрителем как бы с глазу на глаз. Поэтому нужно быть очень строгим к себе. Нигде так не развивается самоконтроль, как на астрале. Уже давно астрале для меня не средство заполнять паузы в театральном сезоне, а нечто очень важное для моего развития, как актера. Чистоте и точности жеста, филигранной отделеке приемов я больше всего учусь, когда готовлю что-либо для своего «чтецкого» репертуара...

Назавтра Ильинский снова выступал в Сталино. А через два дня он вылетел в Мариуполь. Заключивший его путешествие по Донбассу. Я видел, как приняла Ильинского донбасская публика. Это был большой успех — зритель любит хорошую, строгую и талантливую работу.

СТАЛИНО. (От наш. корр.).

1883 г.

Последний рассказ И. С. Тургенева

И. С. Тургенев умер в Париже 3 сентября 1883 г. Дней за пятнадцать до смерти он позвал к себе Полюну Виардо, в доме которой жил, и обратился к ней с просьбой...

Тургенев тотчас же приступил к диктовке рассказа, который хотел сначала назвать «Коршун», но потом дал ему другое название — «Копейка».

«Копейка» — рассказ о буйном потомке старинного дворянского рода, дебошире и конокраде. Тургенев предназначал его для журнала «Нива».

«Копейка» — рассказ о буйном потомке старинного дворянского рода, дебошире и конокраде. Тургенев предназначал его для журнала «Нива».

Однако последний рассказ Тургенева, предназначенный для «Нивы», был напечатан в ней только через три года.

1863 г.

«Мороз-Красный нос»

75 лет назад Н. А. Некрасов окончил поэму «Мороз-Красный нос». Под эпиграфом поэмы (впоследствии Некрасовым отброшенным) была поставлена дата: «21 августа, 1863 г. На пароходе от Нижнего».

Монография о В. Н. Давыдове

Жизни и творчеству Владимира Николаевича Давыдова, одного из виднейших мастеров русского реалистического искусства, посвящена печатающаяся в государственном издательстве «Искусство» книга А. М. Брянского — «В. Н. Давыдов».

Н. ИСАЧЕНКО

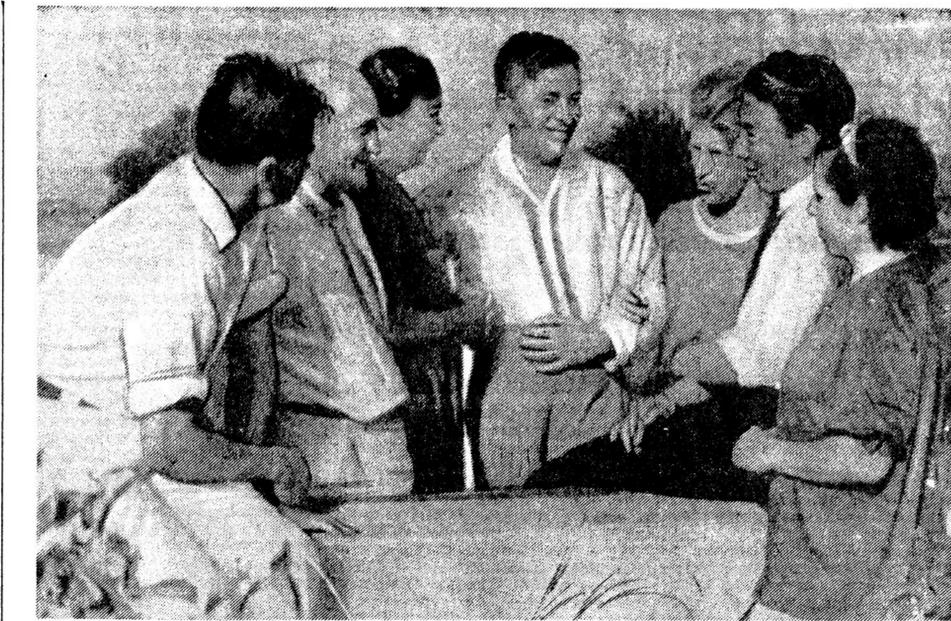
ПЕРЕД КОНЦЕРТНЫМ СЕЗОНОМ

Что судит москвичам предстоящий концертный сезон? Как построены программы наших многочисленных концертных организаций, правильно ли используются художественные силы, как пропагандируется музыкальная культура?

Еще недавно деятельность наших концертных организаций справедливо подвергалась резкой критике за дилетантскую практику, за пренебрежение к запросам широкой массы.

В этом году Москва услышит очень редко исполняемые филармонией произведения мировой и русской классики: оратория Генделя («Самсон»), Баха («Маттео Пассио»), Гайдна («Времена года»), рекемы Моцарта, Верди, «Ромео и Юлиус» Берлиоза, симфония Шумана, Листа, Малера, Глинки, Балакирева, Танеева, Глазунова и др.

Однако симфонический план представляется нам неполным и недостаточно последовательным. Для примера приведем хотя бы программу лекции советской музыки, назначенную на ноябрь. В ней почти не

В доме отдыха совхоза советских писателей УССР (ст. Ирпень Киевской области) отдыхают и работают писатели УССР и братских республик. На снимке (слева направо): К. М. Герасименко (украинский поэт, Киев), Д. Н. Гофштейн (еврейский поэт, Киев), О. А. Немирова (литературный критик, Ленинград), М. С. Тардов (писатель, Киев), Л. П. Прицкер (поэт, Киев), А. Тажибаев (поэт, Алма-Ата), М. И. Комиссарова (поэт, Ленинград).

Новые пьесы писателей Казахстана

Недавно были подведены итоги объявленного Комитетом по делам искусств при Совнаркоме Казахской ССР конкурса на лучшие пьесы.

Конкурс вывал большое число молодых одаренных писателей и отметил 12 хороших пьес. Лучшая пьеса — «Белая береза» — Мухтара Ауэзова и А. Тажибаева — показывает бесстрашие народа, сражающегося за советскую власть в годы гражданской войны.

Против них выступают и рабочие, объединенные дружиной Андогулема. Рядом с пьесой «Белая береза» может быть поставлена пьеса Сабита Муканова «Нашилет 173». С. Муканов показал себя талантливым драматургом, хотя это — первое его произведение в этом жанре.

Полные агенты контрреволюционеров организуют кулацкое восстание против молодой советской республики. Однако восста-

ние разгромлено. Но притаившиеся враги не унимаются и после подавления восстания пытаются убить казахского народного героя.

Одну из премий на конкурсе получил молодой писатель Абишев Альжанар. Несмотря на небольшой литературный стаж, комсомольский писатель своей пьесой «За родину» поставил себя в первые ряды писателей Казахстана.

Главные герои его пьесы — патриоты родины, комсомольцы. Эти люди со свойственной советской молодежи решительностью, стойкостью разоблачают вредителей, пробравшихся к руководству в районные организации, и вскрывают методы их вредительской деятельности.

Получили также премию пьесы «Алуан-Атулы» Беркымбекова, «Вражь тропки» Найденова и другие.

Кроме 12 премированных пьес, по решению конкурсной комиссии, разрешены к постановке в театрах, после внесения некоторых поправок, еще 18 пьес.

Репертуар республиканских областных, колхозных и совхозных театров обогатился, таким образом, новыми советскими пьесами.

Д. АБИЛЕВ

Литературное наследство Лермонтова и его наследники

Многие рукописи Лермонтова исчезли бесследно; сохранилось также мало опусов с его рукописей. Некоторые исследователи объясняют это тем, что у Лермонтова не было наследников, и никто не забрался об охране и собрании его рукописей.

В «Архиве внешней политики, культуры и быта» сохранилось интересное дело канцелярии министра народного просвещения по главному управлению цензуры о домогательствах наследник Лермонтова. Дело это возникло по прошению надворного советника Алявдина от 7 ноября 1844 г.

В этом прошении Алявдин писал: «По смерти поручика Лермонтова изданные и неизданные в (манускриптах) сочинения его по закону принадлежат единственному наследнику его: надворной советнице Виололе, урожденной Лермонтовой, и девицам Александры и Наталье Лермонтовым, которые доверенными уполномочили меня оформить их собственность на издание тех сочинений. Согласно ему уполномоченный заключил мнѳ с г. управляющим конторой театров коллежским советником Александром Дмитриевичем Киреевым, 12 минувшего дня, акт, явленный в нотариальной конторе, по которому предоставляется ему исключительное право издавать сочинения Лермонтова».

На основании этого полномочия, в целях охраны литературной собственности, Алявдин просил Петербургский цензурный комитет о запрещении по всей России издавать и печатать в журналах и альманахах не только ранее напечатанные, но и неопубли-

кованные произведения Лермонтова, находящиеся в частных руках.

По прошению Алявдина подал большое мотивированное мнение цензор А. В. Никитенко, предлагая отклонить претензии наследник Лермонтова как незаконные и противоречащие интересам культуры и просвещения. Цензурный комитет согласился с мнением Никитенко. Но Алявдин не уступил и в решении цензурного комитета обжаловал министру народного просвещения Уварову, причем возражал на доводы Никитенко следующим образом:

«Я убежден, что те, которые имеют у себя рукописи сочинений Лермонтова, хотели и желают издавать не для выгоды своих, а почитать их публике и литературе, а потому, когда узнают, что сами не имеют права на издание, охотно передадут сочинения Лермонтова для издания имеющему законное на то право».

Уваров вынес «мудрое» решение: он предложил Алявдину обратиться в суд...

Продолжал ли Алявдин свои домогательства, нам неизвестно. В этих домогательствах обращает на себя внимание тот факт, что об охране интересов издателя Киреева (искомом, имевшего связь в цензурном ведомстве) хлопотал не сам Киреев, а упомянутый наследник Лермонтова. Возникает подозрение, что в данном случае имелось в виду не столько охранить литературную собственность, на которую никто не покушался, сколько прервать проникновение в печать, а также собрать и уничтожить новые стихотворения Лермонтова, которые, по мнению его родственников, могли «окрашнить» его память в глазах благонамеренных лиц. Известно, что родственники Лермонтова и некоторые из его друзей уничтожали его «неблагозвучные» стихи.

Н. ЗДОБНОВ.

«открыть» нашему слушателю те купюры, которые исказили многие страницы партитур Мусоргского? В юбилейной программе нет вокальных фрагментов из чудесной «Сорочинской ярмарки», нет спес из «Женитьбы», которая замечательно иллюстрирует поиски Мусоргским реалистического музыкального стиля.

В планах нового сезона очень слабо отражена народная музыка. Тематические программы, посвященные народной песне, числятся почему-то за одним клубно-массовым отделом филармонии. Как будто нужно доказывать право народной песни на академическую сцену.

Вредная привычка делить искусство на «высокоакадемическое» и клубно-массовое, очевидно, еще жива в Московской филармонии. Клубному отделу поручена организация всех литературно-музыкальных концертов. Так смазывается большое принципиальное дело.

Всем памятно, как небрежно, с каким опозданием наши концертные организации стали готовиться к пушкинским дням. В начале будущего года нам предстоит честывать память Тараса Григорьевича Шевченко. Пора уже всерьез готовиться

ПО ГАЗЕТНЫМ СТОЛБЦАМ

Карельское государственное издательство организовало кабинет автора для работы с начинающими писателями. Кабинет устраивает совместно с союзом писателей творческие вечера, где обсуждаются подготовленные к печати рукописи.

Союз советских писателей Грузии выделит комиссию для работы по составлению грузинского раздела «Истории литературы народов СССР». В комиссию вошли Г. Киколаш, Ш. Галиани, П. Лигоревка, С. Чиковаки, В. Женти, проф. К. Кекеладзе, А. Чикобава и Г. Барамидзе.

В детском саду города Горького на улице Свердлова выставлена гипсовая модель скульптуры М. Горького работы местного скульптора Колларского. На днях состоялся приемка модели. Скульптуру, отлитую из цемента, решено установить на том же месте.

Исполнилось 50 лет со дня смерти сибирского поэта Д. Давыдова — автора стихотворения «Думы белена на Байкале», лирико известного, как песня «Славное море священный Байкал». Избранные произведения поэта Давыдова (1811—1888) издали в Иркутске и отмечены были как ценный вклад в художественную литературу.

В Керчи в связи с 20-летием ВЛКСМ состоялся литературный вечер, на котором читали свои стихи молодые поэты Крым-Осман Амит, Ренит Мурат, Г. Кошелев и М. Грушин.

Общественный комитет комсомола совместно с областным издательством выпускает к 20-летию ВЛКСМ книгу о 15 знатных комсомольцах Ярославской области. Среди них очерки о комсомольцах-летучках Верховного Совета РСФСР: А. Макарове и А. Соловьевой.

ОБСЛУЖИМ ПРИЗЫВНЫЕ ПУНКТЫ

Члены коллектива первого группкома работников печати приняли на себя обязательство обслужить призывников на всех призывных пунктах Москвы. Для этого будут выпущены специальные стенограммы, написанные очерки о призывниках, отложивших службу в Красной Армии.

Для оперативного руководства этой работой при группкоме создан специальный штаб.

Группком обратился ко всем писателям и работникам печати с призывом включиться в начатую им работу и вызвать на социалистическое соревнование другие группкомы.

Библиографическая редкость

В 1887 г. в Москве вышла книга Н. В. Ремезова «Очерки из жизни дикой Башкирии. Быль в сказочной стране». В предисловии к книге автор писал следующее: «Выпущенная настоящую книгу, я должен сказать, что в ней нет ничего вымышленного, рассказаны все голые факты, с сохранением подлинных имен, мест и лиц. К этому прибавлю еще одно обстоятельство для меня особенной важности: Против моих очерков не было ни одного опровержения ни в одной газете, а тем паче какого-либо процесса. Вращаясь в Уфе 11 лет среди лиц, мною описанных, и не скрываясь в составлении очерков, подписываясь полною фамилиею своею... я ни разу не подвергался со стороны моих героев не только какому-либо преследованию, но даже и дерзкому слову. Такое отношение местного общества к провинциальному наблюдателю — большая редкость и указывает, насколько очерки истинны и факты несомненны».

В книге Ремезова рассказано о потрясающих фактах расхищения башкирских земель в Оренбургско-Уфимском крае в 70-е годы XIX века. В грабежах, носивших форму законных покупок, участвовали и начальство края, и мелкое чиновничество, и купечество. О том, каковы были эти «законные покупки», может дать представление следующий факт: купец Уткин

в 1874 г. купил 50 тысяч десятин земли за 8 тысяч рублей, то есть по 16 коп. за десятину, а заложил эту землю в Саратовском банке за 100 тысяч рублей. Для того, чтобы совершить такие сделки, чиновники не брезговали никакими средствами; башкир сгоняли, подсовывали им бумаги, в которых они ничего не понимали, но подписывали. Некоторые из башкир пробовали протестовать, даже оказывали сопротивление, но попадали под суд, который приговаривал их к ссылке, к арестантским ротам.

Факты, приведенные в очерках Ремезова, подтверждаются и позднейшими материалами, например, воспоминаниями оренбургского старожила П. Жаконова, напечатанными в 1907 г. в «Историческом вестнике».

Книга Ремезова действительно не вывала никаких опровержений или судебных процессов. Однако гласность торжественно не дошло. «Книга эта», — сообщает библиограф Мяндолов, заинтересовавшимся фактам расхищения башкирских земель в Оренбургско-Уфимском крае в 70-е годы XIX века. В грабежах, носивших форму законных покупок, участвовали и начальство края, и мелкое чиновничество, и купечество. О том, каковы были эти «законные покупки», может дать представление следующий факт: купец Уткин

Чернышевский или Антонович

В № 25—26 журнала «Литературное наследство» Н. Богословским перечислены из «Современника» 1861 г. № 12 две рецензии на воронежские литературные издания этих лет.

Автором этих рецензий в «Литературном наследстве» назван Н. Г. Чернышевский. Основание: собственноручная запись Чернышевского, содержащая список его статей и рецензий.

Эта «собственноручная» запись воспроизведена на 203—205 страницах того же издания. Запись, хотя и интересная, но темная по происхождению, и написанная рукой не Чернышевского.

В частности, в данном случае Н. Богословский оказался введенным этим списком в ошибку. Автор обеих рецензий не Чернышевский, а М. Антонович. Это с несомненностью явствует из записи на л. 128 конторской книги «Современника» за 1861 г., хранящейся в Ленинграде в архиве Пушкинского дома Академии наук СССР.

В бухгалтерской записи отмечена выплата М. Антоновичу гонорара за рецензии на «Воронежский литературный сборник» и «Воронежскую беседу» за 6+15¼ страниц т. е. именно за столько, сколько занимают обе рецензии. Это явствует из записи в данном случае решается безапелляционно.

С. РЕЙСЕР

«Мудрость лжи»

Так называется книга выдающегося грузинского писателя и лексикографа XVII—XVIII вв. Саба-Султана Орбелиани (1658—1725).

«Мудрость лжи» состоит из 150 (слишком) отрывков, — притч, рассказов, анекдотов, сентенций и т. п., — связанных между собой искусственным обрамлением в виде диалога между двумя его персонажами. Это произведение дилектически-морализаторского характера, нечто вроде распространяемого в средневековой Европе «Королевского зеркала», поучающего, как следует держаться себя с людьми.

Многие из рассказов, антирелигиозных по своему духу, полных здорового юмора и реалистических по манере, роднят Орбелиани с создателем итальянской прозы — Джованни Боккаччо.

Русский перевод книги «Мудрость лжи» выхлдит в тольском издательстве «Заря Востока».

Сибирские очерки и рассказы

Гослитиздат выпускает сборник Вл. Короленко «Сибирские очерки и рассказы».

В сборнике — наиболее известные повести и рассказы писателя и совершенно неизвестные очерки его. Так, например, «Содержавшаяся» — очерк, опубликованный в газете «Русские ведомости» за 1886 г., ни разу не переиздавался. Извеченные из архива писателя наброски и отрывки сибирских рассказов раньше нигде не были опубликованы.

В сборник также вошли наиболее интересные варианты к некоторым из известных рассказов Короленко, как, например, «Сон Макара» и «Государевы ямщики».

Массэн и «Орфей» Глюка. Молодой коллектив познакомит советскую аудиторию с величайшим произведением Глюка, которое сглаголо весьма знаменательную роль в реформе европейской оперы. Желательно было бы, чтобы новый ансамбль сразу приступил к работе над концертным исполнением русской оперной классики (например, «Моцарт и Сальери», «Кашей бессмертной» Римского-Корсакова, «Каменный гость» Даргомыжского, оперы Серова) и новых советских опер.

Замечательные силы, сосредоточенные в государственных ансамблях, используются мало эффективно. То же самое относится и к солистам всех жанров. Концертная работа все еще идет по старинке. Творческие задания от концертных организаций — пока редкость.

Филармония недостаточно использует артистов музыкальных театров. Филармония мало привлекает молодежь, довольствуясь привычными известными именами. Больше того, концертные организации столицы не воспитали ни одного крупного солиста в области народного инструментария, народной песни, художественного сказа. Разве простительно, например, что государственные коллективы до сих пор не занялись концертной интерпретацией замечательных былин русского народа?

Предстоящий концертный сезон будет очень интересным и разнообразным, если новое руководство музыкального управления Комитета по делам искусства и Московской филармонии не станет повторять ошибок прошлого и проявит настоящую смелость и художественный такт при составлении программ.

Три книги О Дальнем Востоке

Гослитиздат выпускает три книги, посвященные Дальнему Востоку:

— И. Чернова — «Лягушка не знает океана» повествует о замечательных днях борьбы трудящихся на Амуре с белобандитами и японскими интервентами в 1919—1920 гг. Это — повесть о разгроме армии японского империализма.

— Л. Улина — «Утренняя заря» — из задуманного автором цикла романов о советском Дальнем Востоке.

— В. Пушкова — «Кто свет veder» рассказывает о Японии периода подготовки военно-фашистского путча. В романе показан лагерь фашистской реакции и процесс объединения передовых сил японского народа в борьбе с фашизмом.

Все три книги издаются тиражом в 10 тыс. экз. каждая.

Грузинские новеллы

Сведения о прошлом Сванетии очень мало. Лишь в преданиях и сказках сохранились интересные сведения о социально-политической борьбе в этой горной стране. Эти полуисторические, полулегендарные материалы использовал выдающийся прозаик орденосной Грузии Сергей Калашвили в своих сванских рассказах, выходящих впервые на русском языке в Гослитиздате.

Для рассказа «Гно» автор пользовался сведениями об истреблении восставших крестьянских невольников из княжеского рода Риквани. Борьбу жителей Нижней Сванетии со своими угнетателями посвящен рассказ «Бластитель Лашхети». События 1876—1878 гг., когда русские чиновники предательски, плутоманно и силой оружия покорили Верхнюю Сванетию, послужили сюжетом повести «Чети».

Рассказы «Мурахан», «Враги» и «Пропавшие» написаны на современные темы. Предисловие, краткая биографическая справка и комментарии к рассказам даны В. Гольцевым.

Книга «Грузинские новеллы» издается тиражом в 50 тыс. экз.

Сборник о Байроне

Под редакцией Ф. П. Шаллера в Гослитиздате печатается сборник — «Байрон». Сборник состоит из следующих статей: Ф. П. Шаллер — Байрон и байронизм; В. Кузьмин — Жаир лирико-эпической поэмы; Н. Галь — Переход Байрона к реализму; М. Нольман — Исторические драмы Байрона; И. Фрадкин — Байрон в русской литературе; И. Р. Эгес — Байрон и Жуковский; Г. Л. Шенгели — Русские переводы байронических поэм.

Сочинения Томаса Манна

В Государственном издательстве «Художественная литература» вышел из печати шестой том собрания сочинений Томаса Манна, содержание которого составляют: прекрасная драма «Юрорена», являющая «письмо о роботе» и ряд литературно-философских статей: «Этюд о театре», «Шамиссо», «Об учении Шпенглера», «В дороге», «О духе меланхолии», «Космополитизм», «Гете как представитель буржуазной эпохи», «Путь Гете как писателя», «Странная и великая Рихарда Вагнера», «Путешествие по морю с «Дон-Кихотом», «Письмо к редактору «Новой прусской газеты».

Эстетика Бальзака

Печатается в Лениздатиздате новая работа В. Г. Рязова «Эстетика Бальзака» дает развернутый анализ статей и отдельных высказываний Бальзака по вопросам литературы и искусства.

БИБЛИОТЕКА КЛУБА ПИСАТЕЛЕЙ ОТКРЫТА

Библиотека клуба писателей начала свою работу с 1 сентября в помещении союза писателей (улица Боровского, д. 52). Выдача книг производится ежедневно с 3 до 7 час. вечера, кроме общенациональных дней. Все справки по тел. Д 2-11-06.

ОТ РЕДАКЦИИ

В № 47 «Литературной газеты» по вине сотрудницы Наумова допущена ошибка. Утверждения Наумова, что «народный суд признал действия Ингобора недостойными советского писателя», в определении суда не значатся.

В № 48 тот же сотрудник снова допустил ошибку в утверждении, что книга стихов «Тема поэта» Дм. Петровского не вышла. Эта книга выпущена была в середине 1938 г.

Сотрудник Наумов с работы снят.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. СТАВНИН, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВА, КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЙТЯНСКИЙ.